

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 80

I-II . 1966

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.
Америка: Епископ Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская
Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.
91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления о последних событиях нашей церковной жизни — прот. А. Семенов Тян-Шанский	1
Заметка о докладах, прочитанных на Чрезвычайном Собрании Архиепископии — кн. К. Я. Андроников	5
Исторический доклад, прочитанный 16-2-1966 г. на Чрезвычайном Собрании в Св.-Троицком Александро-Невском соборе — кн. К. Я. Андроников	6
Каноническая задача Чрезвычайного Епархиального Собрания — прот. А. Князев	18
Резолюция Чрезвычайного Собрания	27
Декларация верности русской традиции	28
По поводу парижских церковных дел (выдержки из письма) — прот. А. Шмеман	29
Чрезвычайное Епархиальное Собрание Православной Архиепископии — И. М.	31
Слышим! — архиеп. Иоанн Сан-Францисский	33
Памяти Анны Ахматовой	37
Умерла Ахматова — В. Вейдле	38
Неизданный отрывок из Трагедии “Сон во сне” — Анна Ахматова	45
На смерть Ахматовой — Н. Струве	46
Выдержки из писем о похоронах А. Ахматовой	49
Слово перед панихидой в 9-й день после кончины А. А. Ахматовой — прот. А. Семенов Тян-Шанский	52
Библейский универсализм — свящ. Г. Сериков	55
Единое на потребу (по поводу 100-летия со дня рождения Л. Штоста) — В. Н. Ильин	63
Памяти о. Димитрия Клепнина — прот. В. Зеньковский	68
Уроки Русской Истории, И. К. Юрьева — П. Е. Ковалевский	71
Монах Антоний Савваит — прот. А. Семенов Тян-Шанский	71

Подписная плата на год: 15 фр. С целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 15 frs. Prix du numéro: 3 frs 75

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

Протоиерей А. СЕМЕНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЯХ НАШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

В жизни людей, но в особенности в жизни Церкви бывают события, когда ясно проявляется промысление Божие о нас. Это сознается с особой силой тогда, когда события нашей жизни связываются с определенными священными днями церковного календаря.

Собрание нашей архиепископии состоялось в дни празднования Сретения Господня, и свет этого праздника явно озарял наше собрание.

Праведный Симеон богоприимец жил в заботе о судьбе народа своего Израиля, который был ветхозаветной Церковью. Он чаял для него утешения и вот за эту его заботу и чаяние открылся ему весь смысл бытия этого Богом избранного народа и смысл всей человеческой истории вообще.

Симеону дано было не только понять, но увидеть и осязать этот смысл, когда он принял на руки богомладенца Иисуса. В кратких, но четких, в боговдохновенных словах, которые звучат и будут звучать в веках, Симеон поведал то, что ему открылось, поведал, что Господь Иисус от века уготованное спасение всех людей, свет для всех народов и Слава Израиля.

Эта слава древле избранного народа явлена в том, что через нее, в самых недрах его воссияла совершенная, спасительная для всех Истина, которая есть Христос.

Такой переход от Ветхого к Новому Завету, от священной, необходимой до времени, иудейской замкнутости, от партикуляризма к светлой всемирности, к спасительному универсализму — в одно мгновение совершился в душе Симеона. Ветхозаветный пророк, оставаясь верным своему Израилю, в один миг стал благовестителем Спасителя всех людей.

Вот в некоторой мере, нечто подобное тому, что пережил Симеон, довелось переживать и нам, в особенности на собраниях представителей нашей Церкви.

Промыслительно покинутые Вселенским Патриархом, оставшиеся как бы без крова, на мировом ветру, мы вынуждены были не только подумать о внешнем нашем благоу-

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДНИЦКАЯ ДЯ. 2
4001394

ройстве, но глубже прежнего вникнуть в самый смысл нашего церковного существования на чужбине, в смысл самого нашего церковного бытия. И надо сказать, мы не можем этому не верить, Бог нам в этом помог.

С большею, чем прежде, ясностью мы поняли две очень простые вещи, мы уразумели, что Господь привел наш церковный народ сюда для того, чтобы, во-первых, хранить на свободе все наше церковное достояние, поруганное у нас на родине, и во-вторых, раскрыть для всех тех, кто по воле Божией этого пожелает, нашу духовную сокровищницу. Задачу нашу, которую мы теперь вполне осознали, можно выразить еще и так — мы должны остаться верными нашему русскому церковному наследству, а тем самым и России, так как вне верности Церкви настоящей России быть не может, и в то же время стать и быть всецело верными Вселенскому назначению Православной Церкви.

Здесь сразу же надо оговорить, что свидетельство о нашей православной вере перед христианами других исповеданий никогда не было у нас и не будет прозелитизмом, который совершенно чужд православной традиции.

Если мы с упорством можем и должны призывать к себе людей, не познавших Христа, и утверждать веру в Него (без такой миссии, без такого апостольства в Церкви нет подлинной жизни), то христиан других исповеданий мы можем звать только ко взаимному братскому сближению и пониманию. На чем же еще, кроме данного нам более ясного понимания нашего назначения, основана наша вера в то, что Бог был с нами в эти знаменательные дни? Ответ на это прост и он исходит из нашего сердца. Милость Божия к нам сказалась более всего в том, что мы были единомышленны, сохранили наше единство, которое есть самая сущность Церкви. Все остальные знаки Божьего к нам благоволения явились как следствия этого основного Божьего дара.

Собрание происходило мирно, спокойно, сознавалось глубокое значение происходящего и святости места, где мы собрались. Нельзя не подивиться и тому, что во все время Собрания не было никаких хоть сколько-нибудь враждебных выступлений в отношении других православных юрисдикций и, наоборот, была проявлена забота жить со всеми в мире, что, впрочем, и всегда было присуще нашему церковному делу.

Поразительным было и то, что очень напряженная ра-

бота по подготовке Собрания была закончена в должный срок и велась дружно, с единственным желанием быть полезным Церкви. В принятом единогласно воззвании о нашей верности русской православной традиции нельзя видеть, как некоторые думают, нашего самооправдания. Заподозреть нас в какой-то измене своей собственной духовной природе столь нелепо, что это не требует никаких возражений. Воззвание было необходимо, главным образом как призыв поглубже осознать всю ценность нашего церковно-русского и даже просто русского духовного наследства.

Вся действительная драгоценность этого достояния, к сожалению, все меньше и меньше сознается, и особенно молодым поколением. Чаще всего в отношении родной Церкви, как и России, ценится нечто более поверхностное, иногда только символы и даже лишь эмблемы, — и так часто забывается, что величие русского духа заключается более всего в его христианском универсализме, в способности понять и принять лучшее, что есть у других народов. То, что некогда сказал об этом в знаменитой своей Пушкинской речи Достоевский, остается действенным (актуальным) и по сей час. К счастью, наше церковное Собрание и было проникнуто этим универсализмом русского духа. Оно с радостью приветствовало тех не русских православных наших братьев, которые пожелали войти в нашу Церковь, а именно представителей наших братьев, которые пожелали войти в нашу Церковь а именно представителей недавно присоединившихся к нам пяти тысяч православных румын, как и выдающегося настоятеля нового немецкого прихода в Берлине, которые в свою очередь оказали полное доверие нашей Церкви, открытой для всех православных христиан.

Забота о вселенской судьбе Православия проявилась еще и в другом. Наше Собрание поняло, что рассеяние православных людей по всему миру является церковным явлением мирового значения, которое, может быть, знаменует собою совсем новый период церковной истории. Оставив в стороне все церковные разделения и распри, Собрание в своей резолюции выразило надежду, что вопрос о Диаспоре, когда подоспелет время, будет во всей своей полноте рассмотрен на всеправославном правильно составленном Соборе, на котором примут участие и представители Церквей рассеяния.

Кроме того, понимая трудность положения Вселенского Патриарха, наше Собрание сделало все возможное, чтобы со-

хранить с ним связь, как с некоторым центром всеправославной жизни, а через него и со всеми другими автокефальными Церквми.

Само собою разумеется, что Собрание выявило и верность основному истинно церковному принципу поместного устройства Церкви, принципу, который еще в 1949 году был вполне осознан нами, как определяющий наше церковное бытие и как путь устройства всех печальных юрисдикционных разделений в православном рассеянии.

Как бы хотелось, чтобы те, кто еще до конца не продумали этого вопроса, поняли наконец, что поместный принцип устройства Церкви нисколько не исключает сохранение всех национальных традиций той или иной церковной общины.

Наконец, и в этом также нельзя не усмотреть промыслительного к нам благоволения Божия, в Совет Архиепископии оказались выбранными относительно молодые люди, всецело преданные Церкви. Выбраны они были без всякой агитации и какой-либо борьбы. На их долю падает тяжелая ответственность повести наш церковный корабль, совместно с правящими епископами, под верховным водительством архиепископа Георгия, к новому светлому будущему.

Нельзя не закончить этих размышлений указанием на то, что главной неотложной нашей задачей являются ныне заботы миссионерские и просветительные. Людей, номинально числящихся православными, еще не мало, но они живут почти вне Церкви, все более отходят от нее, увлекая за собой и своих детей. Молодежь еще более стремительно удаляется от церковной ограды, а в церковно-приходских школах обучается только самая небольшая часть православных детей. Помочь этой основной беде очень нелегко, но нет другого пути к возрождению церковной жизни, как направить все усилия на то, чтобы зажечь огонь веры в среде тех, кто идет нам на смену.

Кн. К. Я. АНДРОНИКОВ

ЗАМЕТКА О ДОКЛАДАХ, ПРОЧИТАННЫХ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ СОБРАНИИ АРХИЕПИСКОПИИ

Докладчики Совета Архиепископии, на Чрезвычайном Собрании февраля месяца 1966 года, имели двойное задание: описать, с необходимой оценкой, судьбы нашего Церковного удела и природу его, с одной стороны; а с другой, исходя из этого, оправдать его новый путь, основываясь на канонических соображениях и на экклезиологическом назначении Архиепископии в Европе.

Непосредственная цель докладчиков была подготовить прения и решения Собрания относительно его резолюций и нового Устава. Таким образом, их доклады должны быть рассмотрены в тесной взаимосвязи, вместе с общим введением Протопресв. Николая Афанасьева к новому Уставу, как относящиеся к прямой задаче этого Собрания.

Следовательно, докладчики и не могли претендовать на то, чтобы представить в какой-то мере полный богословский трактат, в частности о новом и важнейшем вопросе Православного Рассеяния. Однако, ясно, что от этого именно вопроса и зависит вся установка докладчиков. Положение нашей Архиепископии является лишь частным случаем этой общей проблемы Диаспоры, свидетельствуя о которой, Архиепископия, голосом своего Собрания, и выносит проблему Православного Рассеяния на суд всей Православной Церкви.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

ПРОЧИТАННЫЙ 16 ФЕВРАЛЯ 1966 ГОДА НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ СОБРАНИИ В СВ. ТРОИЦКОМ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМ СОБОРЕ

История Архиепископии состоит из ряда событий, одних — мирового масштаба, других — внутрицерковного характера, все-ленского или местного. Одни события были вызваны извне, другие изнутри, волей первоиерархов и народа. Во всех этих событиях, сердце и ум верующего усматривает таинственную нить Божьего Промысла.

А для настоящего Чрезвычайного Соборания, может быть не без важности, что оно начинает свои многозначительные заседания в день после Сретения Господня, т. е. праздника встречи и смыкания между Ветхим и Новым Заветом, в день принятия монашества блаженной памяти Митрополита Евлогия и в 35-ю годовщину священнической хиротонии нашего Владыки, Архиепископа Георгия.

Чтобы быть, по всей возможности, кратким и четким, разделяю доклад на три главные части:

- 1) основание;
- 2) прошлое: существование до декабря 1965 года;
- 3) попутно — настоящее положение, природа и состав Архиепископии.

Но, так как речь идет о Церкви и обращаюсь я к церковным людям, естественно, что нужно мне попытаться не только напомнить факты, но и обрисовать духовный облик нашего маленького Церковного Удела, таинственно существующего, несмотря на все катастрофы, уже полвека.

Заключение этого доклада, из него естественно вытекающее, состоит в экклезиологическом определении существа Архиепископии и ее дальнейшей судьбы. Это заключение и составляет доклад канонический, который будет представлен Собранию, от имени Совета и Канонической Комиссии, Ректором Богословского Института, о. Алексеем Князевым.

1. — Основание

Русская революция и страшнейший разгром духовных и культурных ценностей России имели, однако, два неожиданных положительных последствия, где сразу виден луч Провидения: это было — восстановление Русской Патриархии, с одной стороны;

и с другой, изгнание в западный мир, на свободу, многозначительной группы Архиереев, священнослужителей, культурных деятелей и верующих.

Эта группа жила, в основном, мистикой Святой Руси и мечтой возврата на Родину. Однако, история ее определила по-своему.

Уже в 1920 году, стало ясным, что отношения между этой группой, составляющей уже тогда церковную единицу в виде епархии, и Матерью-Церковью, прерываются фактически. Блаженной памяти мученик Патриарх Тихон, имея в виду уже существовавшее в то время Высшее Церковное Управление на Юге России, в своем постановлении от 20 ноября 1920 года (№ 362) писал: «В случае, если епархия окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само управление... прекратит свою деятельность, епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции Церковной Власти... В случае невозможности этого, епархиальный Архиерей воспринимает на себя всю полноту власти».

Попытка применить за границей этот указ, предназначенный для епархий, находящихся в канонических пределах Русской территории Патриархата Московского, попытка эта не была канонически обоснована и не применима к Рассеянию.

Но эта последовательность в принужденных обстоятельствах, предусмотренная Патриархом Тихоном, так и осуществилась в действительности. Устанавливается Высшее Церковное Управление, которое образует Священный Синод архиереев в Карловцах, под председательством Митрополита Антония и Архиепископа Евлогия.

Святейший Патриарх Тихон, своим постановлением № 423, от 8 апреля 1921 года, назначает Архиепископа Евлогия управляющим Западно-Европейскими Православными Русскими Церквями.

В январе 1922 года, Патриарх Тихон возводит Архиепископа Евлогия в сан Митрополита, а 5 мая 1922 года, Патриарх Тихон со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом подтверждает этот указ, распускает Карловацкое Церковное Управление и передает Митрополиту Евлогию «всю полноту власти» над заграничными приходами. Карловацкая группа Архиереев подчинилась указу Патриарха, но вскоре восстанавливает свою деятельность, под названием Временного Архиерейского Синода за границей.

Митрополит Евлогий все же принимает участие в заседаниях, из любви и уважения к собратям и к своему учителю по Академии, Митрополиту Антонию, хотя, по своим полномочиям, и не должен был этого делать; он надеялся все-таки сохранить единство. Надежда эта, увы! по сей день оказалась тщетной.

Когда же это Соборание захотело подчинить себе Митрополита

Евлогия, он перестал там бывать и тем самым лишил его канонического основания.

Таким образом, две церковные единицы, Русская Митрополия под Митрополитом Евлогием и Синодальная Церковь, под Митрополитом Антонием, начинают жить отдельно и, порой, враждебно. Это и является одной из тех усобиц, которые разрывают тело Христово в Православном рассеянии. Другая драма — это коренное непонимание у значительной части русских и не-русских Православных на Западе о самом существовании и назначении этого рассеяния, или Диаспоры.

Но моя задача сейчас не критико-богословская, а лишь фактически-описательная.

2. — Прошлое (Существование до 30 декабря 1965 г.).

Новый кризис наступает в 1926 году между Западно-Европейскими Церквями, Зарубежной Церковью и Русской Церковью, тогда управляемой Митрополитом Сергием, Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола. Отношения столь заостряются, что Митрополит Евлогий не в состоянии договориться с Митрополитом Антонием и не в силах распустить Синод, порывает с ним из-за канонической верности Матери-Церкви, за которую он еще держится вопреки тяжелым обстоятельствам, в которых Русская Церковь находится и которые заставляют ее иерархов и паству жить и действовать в условиях принудительных и подневольных.

В связи с этим, в кафедральном соборе в Париже и по всей епархии идут моления о преследуемой Церкви Многострадальной, а в Москве, в 1930 году, Митрополит Сергей принужден был подписать указ об увольнении Митрополита Евлогия.

Тогда ставился впервые грозный вопрос об определении правильного канонического положения Западно-Европейских Православных, тогда еще вполне Русских Церквей, при сохранении единства и лица этого Церковного Удела. Этот вопрос, по своей важности и драматичности, подобен тому, который предстал Архиепископу Георгию два месяца тому назад.

С мужеством и церковной мудростью, которые были ему присущими, Митрополит Евлогий не подчиняется подневольному указу Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Московского Престола. Весь клир и паства, представленные на Епархиальном Соборании 1931 года, его полностью поддерживают. Осознав положение своего церковного Удела на Западе, вскоре Митрополит Евлогий отправляется в Константинополь, Новый Рим, к Патриарху Вселенскому, которому по преданию принадлежат права на Диаспору. Митрополит Евлогий возвращается из Константинополя Экзархом

Патриарха Вселенского, главой Временного Экзархата Западно-Европейских Русских Православных Церквей. Временный Экзархат установлен постановлением Патриарха Фотия II со своим Священным Синодом 17 февраля 1931 года.

В этой юрисдикционной форме и суждено было жить нашей Церкви до декабря 1965 года, в течение 35-ти лет.

Вторая Мировая Война была и для Экзархата величайшим потрясением. Уже до нее, приходы в Германии были насильственно оторгнуты гитлеровским правительством и переданы в Синодальную Зарубежную Церковь. А во время войны и оккупации, прекратилась связь между частями Экзархата и он был в очень значительной степени разорен. Последствия налицо по сей день.

По окончании войны, в 1945 году, глубокий кризис произошел в душе уже давно болевшего Митрополита Евлогия. Он был вызван видимым прекращением открытого гонения на Церковь в Советском Союзе и восстановлением Патриарха Московского и Всея Руси. Еще очень жива была тогда мечта о возвращении на родину, возбужденная отечественной войной и воспламенением национального чувства. Итак, Митрополит Евлогий, чая возрождения национальной России, предпринимает шаги, чтобы возвратиться к Патриарху Московскому и испрашивает отпускную грамоту у Патриарха Вселенского Вениамина в письме на 30 страницах, в котором уточняет, что без такой грамоты он не перейдет к Москве. Приезжает в Париж Митрополит Николай Крутицкий и служит в Кафедральном соборе. Вскоре после этого, Митрополит Евлогий слег до своей кончины. Отпускной грамоты от Патриарха Вселенского он не получил и умер его Экзархом.

Несколько месяцев спустя, его преемник, Архиепископ Владимир, восстанавливает правильную связь с Вселенским Престолом, от которого получает сан Митрополита с преднесением креста.

«То было 1/14 августа 1946 г. День незабываемый, день исторический. Не буря в нашем эмигрантском стакане воды, а один из поворотов стрелки в духовной истории мира. Закаленному исповеднику канонической правды и чистой совести предъявлен был к принятию и исполнению невероятно, кричаще незаконный указ. Разумею указ Московской патриархии, предъявленный митрополитом Григорием и архиепископом Фотием владыке Владимиру, которым упразднялся, по произволу одной Московской стороны, учрежденный в 1931 г. Константинопольским патриархом русский автономный экзархат, и мы подчинялись Москве. Упразднялся одностронне, не спросившись другой стороны, т. е. Вселенской патриархии. Тут попиралась не только азбука законности, но и просто здравый смысл. Этого документа не стереть с черной доски истории. А архиепископ Владимир просто и неожиданно для реальных дельцов века сего ответил: нон поссумус. «Принимаю к сведению, но не

к исполнению». Только. И в тот миг свершилось духовное чудо... Свободный от политического давления и порабощения, чисто церковный экзархат наш вновь воссоздан... Архиепископ Владимир не дал себя запугать никакими хитросплетениями лукавой софистики, никакими будто бы непреодолимо создавшимися фактами. Он простым велением совести зараз отверг все это чудовищно взгромоздившееся над нами в момент смерти митрополита Евлогия недоразумение. И все стало снова на прежнее здоровое, честное основание. Это — подвиг, доступный только «сынам света». («Жизненный Путь Митрополита-Экзарха Владимира», профессора А. В. Карташева).

Потребовалось бы слишком много времени, чтобы попытаться дать личную характеристику этих двух крупных иерархов нашей Церкви, которые ее возглавляли в течение 40 лет. Ограничусь необходимо кратким описанием основных черт и главных этапов жизни бывшего Экзархата.

Эпоха Митрополита Евлогия была особенно отмечена насаждением и оформлением Православной жизни здесь, в Западной Европе, во всех ее областях, литургических и умственных. А именно — организация приходов (около 100), общин и церковных учреждений, храмостроительство (С.-Женевьев, Мурмелон, Коломбель, Шампань-с/Сен, Гаага), устройство храмов на Сергиевском Подворье, на рю Лурмель, Лекурб, Оливье-де-Сер, в французской провинции, и по всей Европе, даже до Финляндии, и дальше, вплоть до острова Явы, в Марокко, Алжире, Тунисе и т. д., основание высшей богословской школы, которая стала центром Православной мысли, к которому весь мир стал прислушиваться и до сих пор глубоко внимает, и удивительно плодотворным образователем и рассадником священнослужителей во всех странах рассеяния, вплоть до Америки. Этому делу сопутствовала, его укрепляя и обогащая, бурная интеллектуальная жизнь с созданием ряда кружков и объединений, с изданием многочисленных газет и журналов и с чтением бесчисленных лекций, церковными или нет, но глубоко религиозными людьми. Достаточно напомнить о Религиозно-философской Академии, о издательстве YMCA-Press, о таких именах как Бердяев, Карсавин, Франк, Шестов, Мережковский, Карташев, Булгаков, Мочульский, Зеньковский, Зандер, Вейдле, Ильин, о писателях и поэтах, как Зайцев, Ремизов, Иванов, Бунин, Куприн, о художниках, музыкантах, архитекторах, инженерах и т. д. Следует упомянуть также все полковые и другие организации, члены которых твердо помнили о том, что они служили не только отечеству, но и вере, и оставались особенно здесь ее служителями.

Развивается также объединение молодежи, Русское Студенческое Христианское Движение, которое распространяет нашу религию и философскую традицию среди новых поколений и осново-

полагает всеправославное и международное движение молодежи Синдесмос. Напомню также об организациях Витязей, Соколов, Скаутов и проч. Всего не перечислишь.

Таким образом, внутри, наш Церковный Удел приобретает и оплотняет свое характерное единство, а вовне, начинает приносить Западу свидетельство Православия. Разъединенные веками обособления и подчас вражды, Западный мир и Православие, в лице нашего скромного Церковного Удела, начинают узнавать друг друга и взаимно оценивать. Латинская, протестантская и англиканская Европа сталкивается с живым Православным богопочитанием и богословием и с ними знакомятся. Уже в 20-х годах, наш Церковный Удел становится одним из основоположников Экуменического Движения и принимает непосредственное участие, во главе с Митрополитом Евлогием, в основании Мирового Совета Церквей.

В эпоху Митрополита Владимира, стадия организации окончена на время; но литургическая жизнь Экзархата ощутимо освящается новым Первосвятителем. А всеправославное и вселенское свидетельство расширяется. Укорененный, особенно во Франции, Экзархат пускает дальние и плодотворные ростки: количество приходов в других странах Европы и других языков, чем церковно-славянского, увеличивается; Экзархат и умное сердце его, Богословский Институт, дают священников, епископов за океан, и ныне главу Американской Митрополии и чуть ли не всех основных профессоров и преподавателей Нью-Йоркской Свято-Владимирской Семинарии, Флоровского, Шмемана, Верховского, Мейендорфа. Образуется новый тип профессора, который не только развивает свою систему, но и действительно входит в связь с современным миром и его проблемами, для него и в нем освящает православным подходом общие темы экклезиологии, библейской критики и экуменизма. По примеру отца Сергия Булгакова и отца Василия Зеньковского, а также Митр. Евлогия, эти люди выступают на конгрессах, участвуют в Совете Церквей, издают книги и статьи, как епископ Кассиан, известный канонист и Богослов Протопресвитер Николай Афанасьев, Протоиереи Шмеман, Мейендорф, уже названные, и профессора Зандер, особенно потрудившийся для Православия на Западе, Евдокимов, теперь о. А. Князев, о. Борис Бобринской, который читает лекции в протестантском университете Нешатель в Швейцарии, Николай Куломзин, Ф. Г. Спасский, О. Клеман, о. И. Мелия, И. В. Морозов, Папулидис, Н. М. Осоргин, К. А. Ельчанинов, А. К. Фириллас.

**

Наконец, важнейшая характеристика этой эпохи в жизни бывшего Экзархата, это начало жизненного осознания двух глупо-

чайших истин христианства и осознания нашего Церковного Удела внутри этих истин. А именно, с одной стороны, что так ярко выразил Апостол Павел: христианин есть новый человек, «который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. III, II). То-есть, христианство состоит не из народов, а из церковного народа; не из национальностей, а из верующих во-едино; не из разных частей этнических, политических или социальных, а из членов Церкви. Наконец, не Церковь расчленяется на отдельные составные Церкви, а Церкви являются соборными членами единого Божественного и человеческого, точнее — Богочеловеческого целого, которое есть Тело Христово.

И тут, у нас, среди русских беженцев, созревает чувство правильного своего состояния и назначения в Православной Церкви и происходит живительное отрезвление ума: положение русского беженца — это только быт, а подлинное, глубинное положение его в Православном рассеянии, это — задание и миссия христианского странника, то-есть свидетеля истины Христовой и Его Церкви. Это уже не быт житейский, а духовное бытие церковной Истории. А она осуществляется только при применении величайшего дара Творца Его чадам, имеющим с Его помощью стать действительно самими собой, когда исполняют «насаждаемое слово, могущее спасти ваши души» (Иак. I, 21): это — дар свободы. Как говорит еще Апостол Иаков: «Кто вникает в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действовании» (Иак. I, 25).

Все события и состояния земной истории имеют свое соответствие и оправдание в духовном мире, то-есть в Истории Церкви, в Истории Божественной Премудрости и Промысла Господня до Второго Его Пришествия, до Совершенного и Страшного Суда над историей перед «Солнцем Правды», которого мы еще вчера недаром воспевали на Сретении, то-есть — до возвращения изгнанников и скитальцев в их настоящую и вечную Родину: из мира — в Царство Божие. Ибо Сам Христос Богочеловек и Творец истории, открыл в Своем Новом Завете человечеству, что если оно временно существует и умирает в мире, то оно призвано жить вечно в Царстве; и если оно в мире, то оно не от мира.

Иначе говоря, православный христианин, где бы он ни находился, в своем ли отечестве, и в данном государстве, или в другом — не родном, все равно всегда, по существу, пребывает в изгнании из Царства Вышнего и в духовном рассеянии среди маловерцев, иноверцев, изуверов и безбожников. В наше время, примеры такого подлинного состояния особенно наглядны и разительны: разве сам

Патриарх Московский находится действительно «у себя», а не во внутреннем скитании, среди воинствующего безбожия, или даже сам Патриарх Вселенский, со своей испепеляющейся паствой, среди враждебных инославных? Этим чувством жило христианство в первые века своего исторического существования.

Однако, люди и Церковь находятся в мире: она должна организоваться в истории и принять формы, соответствующие ее духовному существу и Богочеловеческому воплощению на земле. И тут, наш Церковный Удел начинает сознательно проповедывать коренной принцип Православия об организации его жизни в истории. Этот принцип — не национальный, как это сложилось во времена византийского и русского великодержавия: и не центрально-государственный, как это олицетворяет Рим; а принцип **территориальный**.

Как это выразил св. Киприан Карфагенский и многие другие отцы Церкви первых веков: «Церковь во епископе и епископ в Церкви». И один епископ на одно место, на одну территорию. Как мы уже напоминали, Церковь не делится на части и не расчленяется на замкнутые единицы. Церковь состоит из совокупности верующих, собранных вокруг своих епископов перед единой Евхаристической Чашей. И все эти епископии, или епархии, и составленные из них поместные Церкви, и каждая из них, являются иконой Церкви и имеют благодать всей Церкви, Телом Христовым. И Глава — Христос присутствует и живет во всех Его членах.

Этот территориальный принцип и был осознан и провозглашен знаменательным Епархиальным Собранием сентября 1949 года:

«Почти в каждой стране Западной Европы мы видим православных разных народностей, живущих в одних и тех же городах и всях и едва общающихся друг с другом; видим междоусобную вражду не только между нами, Русскими, но и среди других православных; видим епископов и священников, притязающих противно всем канонам, на одну и ту же паству.

Все мы знаем, что разделения нашими мы гневим Бога, унижаем Православие среди народов, соблазняем малых сих и развращаем церковное сознание верующих. Мы истощаем наши силы не только в борьбе друг с другом, но и в бесплодном удвоении и утроении приходо- и всех церковных учреждений... Иные дошли до такого безумия, что признают естественными деления и многоначалие в Церкви.

Поэтому, со времен апостольских Св. Церковь или, лучше сказать, Сам Бог положил быть одному из высших иерархов первенствующим во всей католической Церкви, в каждой же области или городе быть власти одного епископа..., совместно с подчиненным ему единым пресвитерством и в единодушном согласии со всем православным народом, хотя бы он состоял из людей разного происхождения и языка...

Тех, кто хотят делить Церковь Божию по народностям, если даже они живут в одной и той же стране, или тем паче, по политическим направлениям или по каким-либо частным мнениям, мы со всею Св. Церковью считаем противниками священных канонов и Самого Господа, святое Тело Которого они раздирают. Все народы, творящие волю Божию, благословенны Богом. ...Не церковная жизнь должна определяться земным, но земное освящаться церковным. Кто подчиняет Церковь народному или государственному, или своим частным мнениям, тот тяжко грешит против Церкви. Не народные ли себялюбия и политика, не разные ли оценки современных событий делают нас? Мы можем достигнуть единения лишь в осуществлении полноты и чистоты церковной жизни в истине, единоначалии и любви. Если бы мы были едины во всем этом, ничто земное не разделило бы нас...

Покоримся Богу и священным канонам Церкви: объединимся все в единую Церковь в странах, куда привел нас и наших православных братьев Бог. Приложим все усилия к образованию единой Западно-Европейской Православной Церкви...

Мы не отрекаемся и не зовем к отречению от Русской Церкви: все мы ее сыны, наследники ее предания, которое тщимся хранить и развивать за границей. ...Но мы не должны забывать, что, пребывая ныне в изгнании, не находимся более, по воле Божией, в ее пределах, и живем совсем в иных, новых условиях, ставящих перед нами особые задачи церковного устройства. Противники церковного единства ссылаются иногда на временность нашего пребывания за границей: и наше церковное устройство здесь должно быть, по их мнению, временным. Но за рубежом возрастает уже третье поколение православных, и число наших приходов мало изменяется. ...Очевидно, что множество православных останется в Западной Европе даже в случае возможности для них вернуться на Родину. И не должны ли мы думать не только о Родине и родной Церкви, но и об утверждении Православия на Западе? Полагаем, братья, что Господь призывает нас к тому, чтобы в каждой стране мира, даже до пределов земли, утвердилась в истинной вере Истинная Церковь, и мы должны бы все трудиться по примеру апостолов и равноапостольных мужей, которыми славна и Русская Церковь, ради распространения Православия на Западе»...

На том же Епархиальном Собрании, Митрополит Владимир делает попытку единения с митрополитом Анастасием.

«Каковы бы ни были мнения отдельных участников Собрания, одна мысль является всеобщей и основной: разделение в нашей Церкви есть величайшее зло и нам необходимо принять все меры, чтобы это зло изжить, принять все меры для достижения церковного единения. А посему я готов еще раз обратиться к митрополиту Анастасию с приглашением совместно обратиться к Святейшему Патриарху Афинагору с просьбой, чтобы он, как преемник Св. Иоанна Златоуста и как Вселенский Патриарх, водворил бы мир,

и если Его Святейшеству угодно будет назначить Экзархом митр. Анастасия, я приму указание Патриарха как волю Божию и беспрекословно подчинюсь митр. Анастасию».

Встреча митр. Владимира с митр. Анастасием с этой целью в Лозанне осталась тщетной.

Не так легко было нашему бывшему Экзархату, тогда еще в большинстве состоящему из русских беженцев, очистив себя от «ветхого человека», дойти до мысли свободной и территориальной Церкви. Действительно, как писал, в 1950 году, покойный Протопресвитер Григорий Ломако (а он был всецело именно русским человеком): «200-летний период синодального управления Русской Церковью (вернее «обер-прокурорского»), когда Церковь стала одним из «Ведомств» сложной государственной машины, не остался бесследным в сознании русских людей, особенно — в сознании эмигрантов первых наших «эвакуаций». За этот 200-летний период бытия Русской Церкви большинством русских людей была утрачена чистота церковного самосознания. Было утрачено сознание единства Церкви, ее вселенскости, ее самодовлеемости. Сознание своей связи с Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью, сознание необходимости этой связи — или ослабело до самой последней степени, или преломилось в приписывание Церкви Российской всех предикатов Вселенской Церкви, так что получалось, что Поместная Церковь Русская, она-то и есть, собственно, церковь Вселенская, и вне Русской Церкви ничего церковного, православного и нет. Есть какие-то там Греки, Румыны, Арабы, но это ведь «незначительное количество»... Такое состояние церковного самосознания и было глубинным основанием возможности возникновения Русских Заграничных Соборов и Синодов... По существу дела, мы все, прибывши в Константинополь (в ноябре 1920 года), стольный град Вселенского Патриарха, предстоятеля первого Престола Церкви Божией, — должны были бы, чрез наших архипастырей, обратиться к нему с просьбой — управить нас церковно и устроить. Как было бы это прекрасно, вполне согласно с церковными канонами, а потому — благотворно и спасительно! Мы сразу же стали бы на церковное основание в своем устройении нашей церковной жизни, а потому, — никакие «юрисдикции» в будущем стали бы сразу невозможными. Этого не произошло. Мы забыли и смысл церковных канонов и живые примеры недавнего, сравнительно, прошлого, когда единоверные Греки в начале XIX столетия десятками тысяч спасались от турецких зверств в пределах южной России, при чем среди них были и святители, и когда ни этим Грекам не приходило в голову открывать у нас свои греческие епархии, ни нашему Св. Синоду устраивать для них Высшие Заграничные Греческие Церковные Управления. Православные изгнанники поселялись в православной стране, и этим самым входили в юрисдикцию Русской Церкви, святители же греческие, сохраняя, конечно,

всю полноту и нерушимость архиерейских благодатных дарований, архиерействовать начинали только по получении от Св. Синода епархий в управление».

А Митрополит Владимир, в Пасхальном Послании, еще в 1947 году, пояснял: «Православие есть полнота Христианской истины, которая, в промыслительном смотрении Божиим, должна подчинить себе все народы. Русский народ воспринял свет Православия у Греков, которые и по сей день сохраняют ему нерушимую верность... Но единство православного мира есть единство во множественности. И разные Православные народы являют единый лик Православия с разных сторон. Церковная мудрость и любовь заключаются в том, чтобы ценить это многообразие и способствовать его полнейшему раскрытию».

Эти совершенно правильные и ясные течения церковной мысли, уже ярко выраженные нашим Епархиальным Собранием 1949 года в послании «Всем Православным, пребывающим в Западной Европе» и Патриарху Вселенскому, который это послание одобрил особой ответной грамотой, нашли свой закал в новом историческом и тяжелом кризисе, который наш Церковный Удел переживает за последние два месяца, и в горниле которого мы сейчас, на Чрезвычайном нашем Собрании, находимся.

Этот кризис, чрезвычайно важный не только для каждого из нас, для всего нашего Церковного Удела, но и для Православного рассеяния вообще и для соборного сознания всей Православной Церкви. Этот кризис нас выводит, без нашего желания, но со всей ответственностью, на суд Церковной Истории.

В этот роковой и ответственный час, подобно, в свое время, Митрополиту Владимиру, Архиепископ Георгий принимает мужественное, смелое и мудрое решение, твердо канонически и во благо Православия, в самых острых и действительно головокружительных условиях. Об этом изложено в каноническом докладе. Речь идет о провозглашении независимости нашего Церковного Удела 30 декабря 1965 г., по упразднении временного Экзархата грамотой Патриарха Вселенского Афинагора I.

Так сложилась наша судьба уже при третьем нашем Архиепископе и последнем Экзархе, Архиепископе Георгии. После смерти блаженной памяти Митрополита Владимира, этого «сына Света», как его назвал профессор Карташев, его преемство осуществилось не без затруднений и моральных переживаний. Владыка Георгий уже не был окружен ореолом и авторитетом старого русского Архиерея. Он принял монашество и получил архиерейский сан в условиях беженства, в Диаспоре, хотя сам никогда эмигрантом не был, приехавши на Западный фронт в 1916 году в составе Русской Военной Миссии, и, после Революции, вступил во Французскую Армию, как летчик. Сегодня он самый старший по рукоположению в священник сан, из клира бывшего Экзархата. Мы все

помним страстную напряженность на Епархиальном Собрании 1960 года, во время избрания преемника Митрополита Владимира. Но, несмотря на резко противоречивые позиции, все приняли решение Собрания, как выражение воли церковного народа и сохранили единство, самое подлинное существо и символ христианской соборности; сохранили единство лояльно и искренно.

Этот период истории нашего Удела является естественным развитием предыдущего. Если административно-организаторская жизнь Экзархата идет как бы при притушенных огнях, зато количество приходов не уменьшается (сейчас около 60, всего 130 церковных единиц, более 70 священнослужителей), и многие из этих приходов по природе — местные, Западно-европейские, французские, немецкие, клир и паства которых — вовсе не беженские и даже не русского происхождения; богослужения и требы, естественно, совершаются на местных европейских языках. Экзархат все больше и больше, реально и сознательно, становится тем, чем и суждено было ему быть Божиим Промыслом, а именно: Православной Церковью во Франции и в Западной Европе.

А насчет внутренней и внешней деятельности его Управления и всех его органов, созданных новым Уставом, залог будущего, это — ежечасная наша работа на Совете Архиепископии и на Комиссиях, следуя призыву нашего Архипастыря к новой активной церковной жизни.

Никакого отречения, ни малейшего удаления от русской традиции нет. Архиепископия — оставаясь ей верной и коренным образом привязанной, продолжая ею питаться и ее осмысливать, поминая русских святых, поя русские церковные напевы, не взирая на данный язык, распространяя русскую икону, приносит Европе эту русскую церковную традицию и культуру и приобщает к ней православный и инославный мир.

В то же время, Архиепископия сохраняет и развивает традицию открытости и церковной чуткости ко всем подлинным ценностям, особенно во все развивающейся области экуменизма и сближения Христианских вероисповеданий, по светлomu пути, намеченному Вселенским Патриархом Афинагором. Доказательство этому — работа в Экуменическом Совете Церквей представителей Экзархата, членов нашего Богословского Института и участие их на Ватиканском Соборе, как наблюдателей, по приглашению Секретариата для Единства.

По составу же природному, биологическому, наш Церковный Удел конечно уже не тот, чем был 45 лет тому назад. Глубокое изменение его вызвано естественной эволюцией и скромным, но плодотворным Православным свидетельством: происходит смена поколений (теперь уже идет третье), увеличивается количество смешанных браков, имело место крупное движение населений после Второй Мировой Войны. Например, несколько тысяч Сербов, Ру-

мы уже не «дома», а здесь; и только в Православной Церкви, во Вселенской Церкви, они у себя. Это явление мировое: в Австралии уже сотни тысяч Православных; в Америке — несколько миллионов.

Мы свидетели, и можем и должны стать творческими деятелями того, что наш богослов и историк, Протоиерей Александр Шмеман, Декан Владимирской Семинарии, называет третьей эрой в Истории Православия: после первоначальной — эсхатологической, после второй — Константинопольской и государственной, наступает третья эпоха, действительно вселенская, когда Церковь во всех странах уже не достояние отдельных народов, а воплощается и свидетельствуется церковным народом, в соборности Православной веры и в сердцах Православных христиан, всегда находящихся в духовном и горнем скитании по лицу земного Рассеяния, до возврата в их Родину — Царство Небесное.

Протоиерей Алексей КНЯЗЕВ

КАНОНИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

16-го, 17-го и 18-го февраля 1966 г.

Доклад, представленный Чрезвычайному Собранию от имени Канонической Комиссии и Совета Архиепископии Ректором Богословского Института проф. прот. А. Князевым.

Каноническая задача, стоящая перед нашим Чрезвычайным Собранием, определяется положением нашего Экзархата, созданным после получения нами патриаршей грамоты от 22 ноября 1965 г. Экзархат Вселенского Патриарха над православными русскими церквами в Западной Европе упразднен. Упразднение это совершилось не по нашей воле, и о его причинах нам сейчас здесь не за чем говорить. Перед самым упразднением нашего Экзархата с нами не велось никаких переговоров. И в грамоте своей Святейший Патриарх, признавая нас как церковную единицу, имеющую во главе своей Архиепископа и епископов, свидетельствуя к тому же о жизнеспособности этой церковной единицы, предлагает нам войти в сношения с патриархом Московским и всея Руси, в надежде, что последний нас примет под свое отеческое попечение. Этот выход, предлагаемый нам Вселенским Патриархом, нам представился неприемлемым и по психологическим и по каноническим при-

чинам. Поэтому немедленно встала пред нами двойная задача: как сохранить наш церковный удел, жизнеспособность которого была как бы нарочито подчеркнута самим святейшим патриархом Афинагором? И как, при этом, предотвратить для него опасность оказаться в отрыве от всей Православной Церкви? Ибо если он окажется от нее в отрыве, он ни Церквами православными, ни Церквами инославными не будет рассматриваться как часть Православной Церкви. Вот над разрешением этой двойной задачи и трудились все это время, предшествующее открытию нашего Собрания, и сам Владыка Архиепископ Георгий, и Совет Архиепископии и каноническая комиссия. Результаты этих трудов и вытекающее из них конкретное предложение Собранию изложены в настоящем докладе.

О первой части нашей задачи было подробно мною сказано в моем докладе 30 декабря 1965 года, в день провозглашения Архиепископии. Об этом же я говорил и в статье, которая вышла 15 февраля с. г., перед самым открытием нашего Собрания, в газете «Русская Мысль». Сейчас же я только должен напомнить, что именно только ради сохранения нашего бытия, а не ради каких-либо других целей, был Владыкой Архиепископом избран и предложен 30 декабря 1965 г. своей пастве путь церковной независимости. Путь этот, действительно, был и продолжает быть тем единственным путем, на котором мы можем сохранить наше единство и, благодаря этому, спасти себя от неминуемого раскола или распада. Все другие пути, представлявшиеся нам в ту минуту, не были способны всех нас объединить, если прямо себя не исключали заранее по своей канонической неприемлемости или простой невозможности. Путь в Москву был немыслим после всего совершившегося; он, к тому же, становится все более и более невозможным и по каноническим соображениям: не Московский патриарх организовал наш церковный удел, не говоря уже о том, что никаких признанных за ним прав на Западную Европу он никогда не имел и что не может он продолжать юрисдикционную власть над верующими, которые уже давно перестали быть гражданами той страны, на которую только и простирается юрисдикция Русской Церкви, или которые даже никогда не были гражданами этой страны. Также оказался и неприемлемым и невозможным тот путь, на котором мы бы смогли сделаться русским викариатом греческого митрополита — Экзарха Вселенского патриарха: не говоря уже о том, что, в момент когда открылся кризис, такой путь нам не был официально предложен ни самим Вселенским патриархом, ни каким-либо из его официальных представителей. Он привел бы нас, если бы мы его для себя избрали, к разделению на четыре части, ибо в настоящий момент у Вселен-

ского Патриарха в Западной Европе уже не один, а четыре греческих экзарха, так как два года тому назад Фиатирская греческая митрополия, территория которой совпадала с территорией нашего бывшего русского Экзархата, была разделена между четырьмя митрополитами, непосредственно подчиненными Вселенскому престолу; при таких условиях и мы должны были быть разделенными и образовать не один, а целых четыре викариата. По каноническим причинам является невозможным и третий путь, путь присоединения к Архиерейскому Синоду Русской Зарубежной Церкви, хотя он в настоящий момент более чем шумной пропагандой заявляет о себе: но церковная эта группировка, канонически сомнительная по своему образованию за границей, является таковой же и по многим своим церковным действиям и, потому, она не признана ни одним из Восточных Патриархов, а также и другими Православными Церквями. И, наконец, по таким же каноническим причинам трудно было думать и о присоединении к дружески расположенной к нам Русской Американской Митрополии: ее каноническое положение не выяснено, она находится под запрещением Московского патриарха и потому некоторыми она тоже не признается; к тому же сама она ждет нашего решения, чтобы самоопределилась, и, по всей вероятности, решение ее будет то же, что и провозглашенное нами, т. е. церковная независимость. По всем вышеизложенным соображениям нашему Собранию предлагается сегодня присоединиться к решению, принятому 30 декабря, ясно учитывая при этом, что как и само решение о независимости, так и присоединение к нему в нашем случае не есть акт церковного самочиния, а действие, вынужденное самими историческими обстоятельствами (если не самим Промыслом Божиим, ради для нас еще неведомых целей). Наше нынешнее положение подходит под те исторические примеры, когда целые церковные области оказывались просто поставленными в необходимость становиться независимыми, что и было в случае самой Русской Церкви, принужденной стать независимой в момент принятия Константинополем Флорентийской унии и получившей официальное признание этой независимости лишь при учреждении в ней патриаршества, т. е. более чем полтора века спустя. Приняв нашу независимость, мы сможем все остаться вместе, пребывать вместе и совместно продолжать наше дело служения Богу, начатое более сорока лет тому назад. Тогда первая часть нашей задачи сможет считаться выполненной. Но остается ее вторая часть: не быть в отрыве от Православной Церкви.

II

В чем же должно конкретно выразиться выполнение второй части нашей задачи? В получении признания нашей независимости от глав Православных Церквей. Признание это нужно для того,

чтобы мы могли с ними быть в литургическом общении. С просьбой о признании надлежит нам к ним обратиться. А до получения нами этого признания, хотя мы продолжаем сохранять возможность иметь всю полноту церковной жизни (ибо мы сами ни с кем не порывали и не совершили никакого канонического преступления), нам надо не совершать ничего такого, что помешало бы нашему признанию и повлекло бы немедленный разрыв общения с нами и вызвало бы невозможность совместного причащения святых Христовых Таин. Но можем ли мы ставить задачу о нашем признании? Можем ли мы надеяться на благожелательное отношение к нам со стороны поместных Православных Церквей?

На этот предварительный вопрос и каноническая комиссия и Совет Архиепископии отвечают утвердительно. Да, мы можем надеяться, потому что мы не по нашей вине вынуждены обратиться к главам Православных Церквей с этого рода прошением. Да, потому что другого канонического выхода нет у нас, чтобы сохранить нашу целостность и, вообще, все наше бытие. Да, несмотря на нашу малочисленность, ибо Православная Церковь знает в числе автокефальных церквей и такую малую единицу, как Синайский монастырь (да и многие древние патриархаты в своих собственных границах сейчас насчитывают количество верующих гораздо менее значительное, чем наше). Да, потому что у нас есть давность: мы существуем уже 46 лет и мы самая старая пользующаяся внутренней автономией организованная православная епархия в Западной Европе. Да, и по тому историческому делу, которое мы уже совершили и для русского православия и для православия вообще в Западной Европе. Хотя мы продолжаем быть в большинстве русскими по происхождению и русскими по духу, но большая часть из нас теперь полноправные граждане тех западно-европейских стран и государств, в которых мы проживаем; но даже те из нас, которые юридически продолжают оставаться русскими беженцами, по своему беженскому статусу тоже теперь территориально связаны с теми же странами и государствами. Мы, таким образом, имеем сейчас полную возможность и право говорить о нашей постоянной территориальной связи с Западной Европой и мыслить себя в некоторой степени в положении местной западно-европейской церкви.

Правда, мы не единственные православные, проживающие в настоящий момент на территории Западной Европы. Здесь живут и православные других национальностей: греки, сербы, румыны да и те же русские других юрисдикций. Но все эти наши православные братья мыслят себя либо реально, либо в идеале юрисдикционно зависящими от своих национальных церквей, оставшихся на территории покинутых ими родных стран, и потому, они рассматривают свое церковное бытие в Западной Европе, как временное и случайное. Не существует еще ни одной Православной

Церкви, которая себя мыслила бы как Церковь, утвердившаяся в Западной Европе и органически связанная с ней. А тем не менее, нужда в такой Церкви уже начинает заявлять о себе. Об этом мы сами уже говорили на Епархиальном Съезде 1949 года. Об этом пишут сейчас в газетах в связи с полемикой, начавшейся после объявления нами нашей независимости, и не только одни наши сторонники. Такое положение вполне понятно, потому что только при наличии такой Церкви найдут правильное каноническое разрешение все наши юрисдикционные споры и все неправильности церковного бытия православных в Западной Европе и других местах православного рассеяния, как, например, наличие в одном и том же городе трех, четырех и более православных правящих епископов, из которых некоторые либо просто игнорируют других, либо ведут против них прямую борьбу. Мы и можем стать такой местной Церковью. Эту возможность открывает нам и намечающаяся в настоящий момент многонациональность нашего состава: ибо, кроме русских по происхождению, в состав нашего церковного удела теперь входят и коренные французы, и бельгийцы, и голландцы, и немцы, и скандинавцы, не говоря о группе 5 000 румын, представленных на настоящем собрании 9-ю делегатами. Об этой же возможности, сейчас для нас открывающейся, свидетельствует и общеправославный характер, все более и более присущий нашему Богословскому Институту, где в текущем учебном году в студенческом составе представлены 6 православных церковных юрисдикций и где в полном согласии, мире и любви сотрудничают профессора, принадлежащие к 4-м православным церковным юрисдикциям. Мы этой местной Церковью сможем стать если не сразу, не сейчас, то в будущем, а сейчас мы можем быть хотя бы тем центром, вокруг которого эта Церковь сможет образоваться. Для того чтобы стать этим центром, мы и можем просить признания нашей независимости у Православных Церквей, ибо независимость признается не ради самой независимости, которая не есть, вообще, самоцель, и не может быть признана за группой блуждающей, не связанной ни с какой территорией. Но не всякая даже и связанная с определенной территорией церковная группа может претендовать на признание независимости: помимо того, что она должна быть бесспорно православной во всей своей установке, она должна, по своему значению, представлять и известный интерес для семьи Православных Церквей.

Что касается этого интереса, то, думается, таковой мы можем представлять, если мы решительно встанем на путь разрешения, в строгом духе канонов, тех уже упомянутых выше трудностей, вытекающих из канонически неправильного положения, в котором находится все вообще православное рассеяние и в котором виновны не одни только русские эмигранты, но и все современные православные Церкви и которое привело к тому, например, что в Аме-

рике православные, сыны единой Церкви, разделены сейчас на более чем 25 юрисдикций, из которых некоторые усиленно друг с другом враждуют, перехватывая одна у другой приходы и отдельных верующих. И об этом, представляемом нами для всего православия интересе, мы уже можем говорить, поскольку мы уже для себя этот путь наметили и поскольку мы уже начинаем привлекать симпатии всех искренно болезнующих вопросом наших православных разделений. Но этого еще мало: вся наша забота должна быть направлена к тому, чтобы во всем мы явили себя истинно православными.

Это не относится только к нашему желанию исповедовать всю полноту православного учения и следовать ему в нашей жизни. Думаю, что ни один добросовестный наблюдатель не сможет упрекнуть нас в отсутствии у нас этого желания. Я имею сейчас в виду нечто особенное и определенное: нам надо сейчас истинным образом проникнуться сознанием необходимости быть признанными православными Церквями и быть с ними в общении. Иначе нам трудно будет являться православными и в глазах других и даже в наших собственных глазах. Упоминаю об этом я потому, что нами давно утрачено чувство о том, что Православная Церковь есть Церковь вселенская. Потому, психологически нам часто и нет нужды до признания со стороны других Православных Церквей. Мы часто полагаем, что и без него мы православные, что для этого достаточно нам быть прихожанами нашей приходской церкви, усердно молиться в ней, быть благочестивыми, милосердными. Но вселенская природа Церкви сразу же для нас станет совершенно очевидной, если, почему-либо, мы не удостоимся признания. От этого немедленно начнет страдать в своей жизни и деятельности весь наш церковный удел. Станет невозможной всякая совместная работа с другими православными Церквями. Наши священники смогут потерять возможность служить и причащаться у Гроба Господня и в других святых местах Святой Земли. Трудности могут коснуться даже и отдельных мирян: могут вставать затруднения в случаях заключения браков с православными других Церквей, может сделаться затруднительным участие не только клириков, но и мирян в общеправославных паломничествах. И потому, не только в мире, но тем более в Церкви частное должно уступать место общему, местное общецерковному, национальное вселенскому. И лишь поскольку мы являемся носителями вселенского сознания, мы убеждаем других тоже считать нас православными, иначе говоря — признавать нас, ибо признание есть ничто иное, как установление всеми православными местными Церквями того положения, что мы действительно представляем Вселенскую Православную Церковь в ее учении и жизни и что именно поэтому следует принять наш церковный удел в семью независимых Православных Церквей.

Но можем ли мы на это принятие надеяться? Будет ли благо-

склонно принята и рассмотрена наша просьба? За нас уже говорит совершенное нами дело, за нас и наша правота перед Богом и Церковью и совершенная исключительность нашего положения, аналогичного которому еще не знает церковная история. За нас говорит и то понимание, которое мы встречали и встречаем у Святейшего Патриарха Вселенского и у некоторых видных представителей других поместных Православных Церквей, о чем, надеюсь, Собранию поведают сами те, которые были этого доброго к нам отношения свидетелями. Все это вместе взятое дает нам право уповать на всесильную помощь и на милосердие Божие. Помощь же эта для нас будет тем более действенной, чем решительнее мы примем к руководству законы праведности и чем большую проявим мы любовь и к нашей братии, и к нашему родному церковному уделу, и ко всем Церквам, и ко всей единой Церкви.

III

Какое же конкретное решение всех вопросов, стоящих перед нашим Чрезвычайным Собранием, может быть предложено последнему со стороны канонической комиссии и Совета Архиепископии? Прежде чем говорить об этих предложениях, считаю долгом подчеркнуть, что, при выработке своих предложений Собранию, и каноническая комиссия, и Совет Архиепископии старались всемерно учесть и прошлое нашего церковного удела, и его настоящее положение, и будущее, открывающееся для него. Были приложены все усилия, чтобы оказалась огражденной неизменность всех наших церковных традиций, чтобы было закреплено наше прошлое, чтобы были приняты во внимание все обстоятельства, при которых был упразднен Русский Временный Экзархат Вселенского Престола и состоялось провозглашение независимой Архиепископии. И каноническая комиссия, и Совет Архиепископии силились также удовлетворить все пожелания, которые им были высказаны со стороны церковного народа, учесть все тенденции, прислушаться к каждому мнению, придерживаясь при этом строгой церковной закономерности и стараясь не закрывать никакой возможности на будущее. Во всех своих решениях каноническая комиссия и Совет Архиепископии руководствовались максимальной церковностью, каноничностью и осторожностью. Поэтому, вот что они предлагают Чрезвычайному Собранию:

1. Присоединиться к провозглашению независимости нашего удела, предсвершенному 30 декабря прошлого года, принять это провозглашение и подтвердить его как можно большим числом голосов, памятуя, что эта независимость есть единственное средство самозащиты для нашего церковного удела и единственный залог для нашего дальнейшего совместного бытия и развития.

2. Оформить наш независимый церковный удел как Архиепископию. Многие, может быть, выразят недоумение, почему мы говорим не о митрополии, а именно об Архиепископии. Но титул Архиепископии более приличествует независимой церковной области нежели митрополия. В церковной древности, во главе церковной области стоял архиепископ и, как указывает самое это слово, архиепископ был начальником епископов, имея под своим началом и митрополитов, которые были епископами главных городов. В силу этого положения, в большинстве православных церквей сан и должность архиепископа считается выше сана и должности митрополита, каковой сан оказался присвоенным всем епархиальным архиереям. Таково положение во Вселенском Патриархате, в Элладской Церкви, в Болгарской Церкви, в Патриархатах ближнего Востока и т. д. Здесь уместно указать, что во Вселенском Патриархате, где архиепископ действительно есть начальник епископов, наш Архиепископ, т. е. глава нашего бывшего Русского Экзархата, был вторым по рангу архиепископом: ему предшествовал по старшинству Архиепископ Американский, а непосредственно за ним следовал Архиепископ Австралийский. Сан архиепископа в настоящее время носят главы тех автокефальных Православных Церквей, которые не являются патриархатами: таковы Элладская Церковь, Кипрская Церковь, Синайская Церковь. Этот же сан носит глава автономной Финляндской Церкви. Что касается особого положения в Русской Церкви, где сан митрополита является выше сана архиепископа, то это объясняется обстоятельствами русской церковной истории. С времен крещения Руси главой Русской Церкви был митрополит. По мере того, как эта Церковь росла численно и территориально, она разделялась на все более и более многочисленные епархии, которые, естественно, все зависели сперва от Киевского, потом от Московского митрополита. Со временем, некоторые епархиальные архиереи, как, например, новгородский владыка, получили от Константинопольского патриарха, вместе с известной автономией в отношении митрополита, также сан архиепископа. Затем, в момент учреждения патриаршества, митрополит глава Русской Церкви стал патриархом Московским и всея Руси, а после церковных реформ Петра Великого сан митрополита и сан архиепископа стали простыми наградами, даваемыми в личном порядке архиереям высшей церковной властью, причем награды эти могли и могут быть даваемы вне зависимости от ранга епархий, занимаемых награждаемыми иерархами. И потому, в силу всех вышеизложенных фактов и, особенно, ради сношений с другими Церквами, главой нашего независимого церковного удела должен продолжать быть Архиепископ.

3. Торжественно подчеркнуть непрерываемость нашей связи с нашим прошлым и, особенно, засвидетельствовать русское происхождение нашей Архиепископии, ее принадлежность к русской церковной традиции, ее духовную зерность Русской Церкви, Рос-

сии, ее культуре и русскому народу. На этот предмет Собранию будет предложено принять особую торжественную декларацию, текст которой будет мною оглашен по окончании моего доклада.

4. Дать нашему церковному уделу новое именование, отвечающее его новому каноническому положению. Наименование это должно подчеркивать местный характер нашей Архиепископии, придающий ей каноническое основание, и говорить о ее территориальной связи с теми странами Западной Европы, в которых обосновались составляющие ее миряне и клир и в которых она сама находится под защитой гражданских властей. С другой стороны, наименование ее должно напоминать и о русском происхождении Архиепископии, о ее непрерывающейся связи с русской церковной традицией и о русском характере большинства входящих в нее приходов и общин. Но так как мы канонически не подчиняемся Русской Церкви и являемся независимыми, то в нашем наименовании мы имеем право говорить о себе только как о русских, находящихся в рассеянии. В силу всех вышеизложенных соображений по вопросу о нашем наименовании, каноническая комиссия и Совет Архиепископии предлагают нам именоваться как **Православная Архиепископия Франции и Западной Европы и Русских Западно-Европейских Церквей Рассеяния**. Наименование это будет поставлено на голосование Собрания в связи с первой статьей нашего нового устава, в которой дается объяснение его и которая подчеркивает преемственную связь между Архиепископией и временным Экзархатом Западно-Европейских Русских Православных Церквей, упраздненным грамотой патриарха Афинагора I от 22 ноября 1965 г.

5. Провозгласив независимость, постараться сохранить более чем одну только духовную связь с Патриаршим Вселенским Престолом, под покровительством которого мы находились 35 лет. У нас еще нет опыта независимого бытия и, потому, отеческое руководство со стороны первоиерарха Православной Церкви нам жизненно необходимо. В силу этого, тот устав, который будет предложен собранию для голосования, предусматривает:

а) в пар. 10-м: возношение главою Архиепископии имени Святейшего Патриарха Вселенского в священных чинопоследованиях;

б) в пар. 41-ом: обязательное обращение к Святейшему Патриарху Вселенскому в некоторых трудных случаях за его арбитражем.

6. Принять Устав Архиепископии. Устав этот был выработан канонической комиссией еще до событий, последовавших после получения нами патриаршей грамоты от 22 ноября 1965 г. Устав этот, затем был переработан канонической комиссией и Советом Архиепископии в соответствии с новым положением нашего цер-

ковного удела, вытекающим из его независимости. Главные линии и особенности этого устава будут изложены Собранию в особом докладе по этому предмету, который представит председатель канонической комиссии. Собранию будет также предложено, согласно этому новому Уставу, произвести выборы епископов на намечающиеся у нас новые кафедры, а также членов Совета Архиепископии, членов Ревизионной Комиссии и Судебного Присутствия.

7. Внести в Статуты, по которым наш церковный удел зарегистрирован перед французскими государственными властями, необходимые изменения, вызванные его новым положением, ибо французское законодательство требует, чтобы всякое каноническое изменение в положении той или иной находящейся в пределах государства Церкви было соответствующим образом отмечено в ее официальных зарегистрированных статутах. Об этих изменениях Собранию будет сделан специальный доклад. Его представит французский юрист, специалист по церковному гражданскому праву.

8. Торжественно засвидетельствовать в канонической резолюции нашего Чрезвычайного Собрания, что, присоединяясь к провозглашению независимости нашего церковного удела и принимая ее, Собрание неизменно пребывает верным всему учению Святой Православной Церкви, всему ее догматическому и каноническому преданию и что оно также неизменно находится в послушании у единой Святой Православной Апостольской Церкви, в силу которого Архиепископия готова, если такова будет воля Общеправославного Собора, подлинно выражающего голос Православной Церкви, включить свое бытие в более обширную церковную организацию, которую, в стремлении к церковному единству, если даст это Господь, угодно будет тому же Общеправославному Собору установить для тех частей Православной Церкви, которые в наше время, по воле Божией и в силу исторических обстоятельств, возникли и существуют вне пределов стран, традиционно населенных православными христианами.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБРАНИЯ

Чрезвычайное Собрание клира и мирян Православной Архиепископии Франции и Западной Европы и Русских Западно-Европейских Церквей Рассеяния, состоявшееся 16-18 февраля 1966 г. в Кафедральном Св. Троицком Александро-Невском Соборе в Париже,

заслушав доклады о составе и исторических путях временного Русского Западно-Европейского Экзархата Святейшего Вселенско-

го Патриаршего Престола и о положении, создавшемся после упразднения Экзархата Святейшим Патриархом Афинагором I грамотой от 22 ноября 1965 г.,

1) принимает провозглашение Архиепископом Георгием 30 декабря 1965 г. независимости Архиепископии и ее утверждает,

2) просит Высокопреосвященнейшего Архиепископа Георгия предпринять необходимые шаги, связанные с провозглашением независимой Архиепископии, перед Вселенским Престолом и просит Его Святейшество Вселенского Патриарха во благовремени осведомить Православные Церкви.

Архиепископия, неизменно пребывая верной всем догматам и канонам Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, а также в полном Ей послушании,

выражает голосом своего Собрания горячую надежду на то, что Всеправославный Собор, подлинно представляющий св. Церковь, сможет во благовремени рассмотреть и решить весь новый вопрос об устройстве православного Рассеяния в целом, при участии его представителей, ибо Архиепископия уверена, что такое возможное решение Всеправославного Собора отвечало бы насущной и все нарастающей задаче современного мира и глубоким чаяниям многочисленных православных верующих вне территориальных пределов Автокефальных Церквей.

Настоящая резолюция была принята единогласно в заседании 18 февраля.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ВЕРНОСТИ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Православная Архиепископия, по воле Божией и в силу исторических обстоятельств оказавшаяся принужденной встать на путь церковной независимости, канонически оформив этот путь, торжественно заявляет, что она духовно не порывает ни с Русской Православной Церковью, от которой она произошла, ни с народом русским, ни с многострадальной землей Российской. Она является церковной и юридической наследницей упраздненного грамотой 22 ноября 1965 г. Русского Экзархата Вселенского Престола, она входит во все его права и принимает все его обязанности. Не отрицая новых, стоящих пред ней церковно-исторических задач, она никаким образом не отрекается от своего русского прошлого, но заявляет о своем твердом намерении жить им и творчески продолжать жить по календарю Русской Православной Церкви, почитая Русских Святых, празднуя память Русских Чудотворных Икон Царицы Небесной; она и впредь будет следовать традиции русского православ-

ного благочестия, хранить русский богослужебный обиход, пользоваться русским и церковно-славянским языком. Все входящие в ее состав русские приходы и общины продолжают именоваться русскими и перед церковными и перед судебными и гражданскими властями. Развитие основных тем русской богословской мысли остается одной из главных задач Богословского Института, как и образование русских пастырей для русского рассеяния и, если Бог даст, и для Русской Церкви, пребывающей на Родине. Предподавание русского языка, распространение русской культуры неизменно будет продолжать быть основной задачей зависящих от Архиепископии детских школ и юношеских организаций. Воспринимая всю русскую церковную и культурную традицию, храня ее, развивая ее, свидетельствуя о ней на Западе, Архиепископия имеет своей целью не только ознакомлять западные страны и народы с лучшими заветами русского Православия, она также надеется, что Бог поможет ей не прекращать вносить в русскую культуру свой полноценный творческий вклад и этим продолжать служить и самой Русской Церкви и русскому народу.

Прот. Александр ШИМЕАН

ПО ПОВОДУ ПАРИЖСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ДЕЛ

(Выдержки из письма)

Парижские церковные события, связанные с упразднением Русского Экзархата Вселенского Престола, ясно ставят перед церковным сознанием два основных вопроса, тесно связанных между собою и по природе своей затрагивающих самую глубину православной экклезиологии: это 1) вопрос о Диаспоре и 2) вопрос о подлинной природе преемственности Церкви, т. е. фактически — ее единства в пространстве и времени. И не случайно конечно то, что именно Диаспора, т. е. новое, беспрецедентное явление в истории Православия ставит и заостряет до предела экклезиологическую проблему, которая до сих пор и со времени русского богословского возрождения (Хомяков, Илларион Троицкий, Аквилонов и т. д.) не могла не быть в известной мере проблемой академической, абстрактной. Но теперь ее ставит жизнь, а жизнь в православии всегда имеет примат над теорией, по той простой причине, что Церковь существует для спасения живых людей, а не «самой себя»; и критерием экклезиологии является «сотериология», т. е. учение о спасении.

...сама теория, т. е. учение о Церкви, каноны и т. д., все выросли из **Церкви, как жизни** и все имеют своей целью ограждение, защиту и «исполнение» этой жизни (срв. «Исполнение Церкви Твоя сохрани»).

...Роль Диаспоры провиденциальная, — не в том, чтобы добиться себе признания, ...а в том, чтобы Православная Церковь вернулась к православному о себе учению, которое веками *de facto* было попорано и заменено не православным **экклесиологическим субординационизмом**. Пока, этот экклесиологический субординационизм существовал *de facto*, в пределах органических православных церковно-государственно-народных образований, и не нарушал **жизни** Церкви, его можно было терпеть, хотя уже в XIX веке пробуждающаяся церковная мысль начинала чувствовать его ложь. Но когда эти органические миры один за другим рухнули, то стала постепенно вскрываться его глубочайшая ложь. Ибо по существу, экклесиологический субординационизм — это подмена **Церкви как жизни и истины** Церковью — властью, в которой все: и единство и святость и апостольство — все сведено к голому принципу подчинения и все им оправдано. Власть тут не потому права и канонична, что она соответствует Жизни и Истине, а просто потому, что она «власть» — и не истина и жизнь источники «каноничности», а власть и подчинение ей...

...Ключевое значение Диаспоры в том и заключается, что она не может не додумать (рано или поздно) вопроса о Церкви **до конца**, причем **так**, как он еще никогда продуман не был, потому что не было в этом нужды. Так, например, территориальный принцип, который мы все так мучительно вынашивали и который, конечно, очень важен, еще не **все**.

...Я глубоко убежден, что с национальным принципом дело далеко не кончено и что творческая экклесиологическая мысль должна быть направлена не на его бичевание и исключение, а на его **включение** в территориальный принцип. ...Иными словами, территориальный принцип должен включать в себя возможность некоего жизненного плюрализма.

Но главное, конечно, в возврате от экклесиологического субординационизма к экклесиологии **живого и реального тела Церкви**.

...Церковь живет как одушевленный организм. И если в ней ослабевают **жизнь**, никакие каноны и никакая каноничность не помогут...

Но что такое **жизнь** Церкви? Я думаю, опыт Диаспоры это показывает: 1) стремление жить полнотой предания, не «сужаться» в провинциализм; 2) открытость к другим поместным церквам, т. е. **общение и соборность**, отказ от самоизоляции, гордыни и самоутверждения; 3) живое преемство и единство в Вере с Церковью Вселенской; 4) миссия, т. е. служение Христу и проповедь Его Евангелия и Церкви.

...Это значит, что во Вселенскую Церковь местная Церковь «включается» не через подчинение одной из ее частей (другой местной Церкви), а через единство веры и жизни и, прежде всего, через **знание Самой Себя, как Церкви, как желание быть до конца и во всем Церковью**.

...«Под кем вы?» Пока этот вопрос задается, а не единственно **правильный с кем вы?** Со всеми во Христе и в Его Истине...

Пока Епископы «представляют» высшую власть, пока не их **«единство»**, а их **подчинение** — критерий каноничности и церковности, Церковь тяжело больна и исцелить ее может только мужественное свидетельство.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ АРХИЕПИСКОПИИ

Чрезвычайное Епархиальное Собрание бывшего Русского Экзархата Вселенского Патриарха состоялось 16-18 февраля 1966 г. в Св. Александро-Невском кафедральном соборе. На Собрание съехалось 139 клириков и мирян-делегатов от приходов, церковных учреждений и организаций и от общин Бельгии, Голландии, Дании, Италии, Норвегии, Швеции и Франции.

16 февраля, Епархиальное Собрание открылось совершением торжественного молебна архиепископом Георгием. Первое заседание открыл архиеп. Георгий и сразу же предложил избрать от духовенства тов.-председателя епископа Мефодия и поручил ему ведение заседаний. Тов.-председателя от мирян был избран В. Н. Загорский, в секретариат прот. А. Чекан, о. Б. Бобринской, о. Петр Струве, о. Петр Чеснаков, диакон А. Нелидов и П. Е. Ковалевский.

Первый доклад «О канонической задаче Чрезвычайного Епархиального Собрания» прочел прот. Алексей Князев, ректор Богословского Института, который он заключил особой декларацией верности русской традиции, принятой единогласно всеми делегатами. Затем кн. К. Я. Андроников прочел доклад на тему: «Об исторических путях нашего Церковного Удела — Западноевропейских Православных Русских Церквей бывшего Русского Экзархата Вселенского Патриарха». После докладов шли длительные дискуссии, в особенности, обсуждалось сохранение и значение слов «русских церквей» в будущем наименовании нашей Православной Архиепископии. Новое наименование было принято 122 голосами, при 1 — против и 3-х воздержавшихся, в следующей форме:

Православная Архиепископия Франции и Западной Европы и Русских Западноевропейских Церквей рассеяния.

Затем **единогласно** принята декларация о верности русской традиции и резолюция о провозглашении независимости Православной Архиеписко-

нии. От имени собрания была послана приветственная телеграмма Святейшему Патриарху Вселенскому Афинагору и на другой-же день получена ответная телеграмма от Патриарха, в которой он выражает пожелания успеха Чрезвычайному Собранию в его работе.

От лица румынских приходов, находящихся на территории Западной Германии и Австрии, последовало заявление о вхождении их в состав Православной Архиепископии и выражение полного удовлетворения, что Архиепископия предоставляет право сохранить им свои румынские церковные обычаи и традиции.

17 февраля, протопр. Николай Афанасьев прочел вводный доклад по вопросу о новом "Уставе Православной Архиепископии", после чего о. Борис Бобринской читал "Устав" по-статьейно. Собрание вносило поправки и принимало отдельные статьи путем голосования.

18 февраля закончилось чтение "Устава", который в целом был принят единогласно, при одном воздержавшемся. Согласно новому уставу, Епархиальное Собрание переименовано в Собор Архиепископии, Епископы составляют Синод Епископов и Епархиальный Совет превращается в Совет Архиепископии.

18-го же февраля, после обеда, приступили к выборам кандидатов во епископы. По новому Уставу, кандидат должен собрать 2/3 голосов. Если-же при двух первых голосованиях он не соберет 2/3 голосов, то тогда в третьем голосовании, он избирается простым квалифицированным большинством.

Совет Архиепископии наметил трех кандидатов в Епархиальные архиереи: 1-го для юга Франции и Италии — прот. А. Семенова Тянь-Шанского; 2-го для Бельгии — архим. Романа Золотова, 3-го для Скандинавских стран — прот. Стефана Тимченко.

На собрании 18 февраля Собор выдвинул 4-х кандидатов во епископы:

- 1) прот. А. Семенова Тянь-Шанского;
- 2) архим. Романа Золотова;
- 3) архим. Ферапонта Хюммериха;
- 4) прот. Стефана Тимченко

причем последний снял свою кандидатуру.

Голосовало 133 человека и 2/3 голосов собрал только прот. А. Семенов Тянь-Шанский. Следовательно, избранным кандидатом оказался прот. Семенов Тянь-Шанский. Для последующих голосований для выборов кандидатов во епископы не оказалось времени. Затем Собор избрал еп. Мефодия правящим епископом Востока Франции.

Для оформления нашего юридического положения был приглашен на Собор мэтр Паскаль, юрисконсульт Федерации Протестантских Церквей, который предложил ряд очень незначительных изменений, касающихся нашего наименования. Мэтр Паскаль подтвердил, что наше юридическое положение по отношению к французским властям не меняется.

Затем приступили к избранию в Совет Архиепископии. В Совет Архиепископии были избраны следующие лица: от духовенства — прот. А.

Князев, протопр. А. Чекан, свящ. Б. Бобринской, прот. А. Ребиндер и от мирян — кн. К. Я. Андроников, И. В. Морозов, Н. А. Куломзин, А. Д. Шмеман.

В Духовное Судебное Присутствие: председателем проф. протопр. Н. Афанасьев, членами прот. А. Князев и прот. Н. Жуков и в Ревизионную Комиссию — свящ. П. Чеснаков, А. К. Фириллас и В. А. Васильев.

Еп. Мефодий, подводя итоги работе Собора, указал на большое единодушие, которое не только сохранило, но и укрепило единство нашей Православной Архиепископии Франции и Западной Европы и Русских Западноевропейских Церквей рассеяния.

И. М.

Архиепископ Иоанн САН-ФРАНЦИССКИЙ

С Л Ы Ш И М ! *

Все помнят удивительную по трагичности своей страницу повести «Тарас Бульба». Стоя на площади и видя казнь своего сына, Тарас, в ответ на предсмертный крик Остапа, «слышит ли» он его, — отвечает: «слышу»...

И мы, за рубежом, верующие в Бога люди, слышим эти «хрустящие кости» Христовой Церкви в СССР.

Недавно достиг из СССР Европы, и мы его получили в Америке, документ исключительной силы и драматичности: письмо к Патриарху, ко всему русскому епископату и обращение к гражданским властям — двух московских священников. Он опубликован на мимиографе в Париже и выпускается в Америке. Скоро выйдет в Европе отдельной книгой, с моим предисловием, и другой яркий современный документ: апологетическая защита Церкви и веры в Сов. Союзе.

Каждое новолуние (см. 17 главу Евангелия от Матфея, ст. 15), материалистическая печать в СССР впадает в транс борьбы «за материализм», против Господа Бога. Среди этой перманентной антирелигиозной пены, выходящей изо рта антирелигиозников, и среди многих козней административных, Русская Церковь в СССР живет в условиях, равных которым еще не было в истории человечества... И ранее бывали в народах среди правителей атеисты; но

«Русская Мысль», № 2457.

еще никогда не было среди народов мира такого организованного и государственно-тоталитарного, одновременно грубого и лукавого похода на веру в Бога... Но не спрашивайте об этом приезжающих из Москвы церковных людей, или живущих в Европе и Америке представителей Экзархатов Московской Патриархии! Не вынуждайте их на официальные или уклончивые ответы.

Мне уже об этом приходилось писать, что вера в Бога находится в Советском Союзе в особых условиях «двух-ярусных катакомб». «Нижний» ярус их — отдельные верующие души, или «малые церкви», тайно молящиеся Богу в сердцах, в домах, в лесах и полях. Они не могут проявлять своей веры общественно, но могут, конечно, светить делами своей веры — и светят ими в жизни. «Верхний» же ярус катакомб России это вся «узаконенная», «признанная» государством СССР Православная Церковь и другие легализованные религиозные общества.

Церковь Конституцией допущена, но только в области культа, и находится под очень внимательным, «ревнивым» государственным контролем, как в центре страны, так и на местах. Этот контроль специального правительственного «Совета» иногда помогает Церкви (без участия государства ведь нельзя в СССР ни свечки вылить, ни доски для ремонта храма достать). Но этот контроль, находящийся под символическим главенством Куроедова, ограничивает и удушает жизнь Русской Церкви.

Через специальные свои органы, государство зорко наблюдает за тем, чтобы Церковь, или другая религиозная организация не вышла из рамок «культа». Государство (вернее, партия, управляющая им) не хочет, чтобы Церковь стала в народе явлением ярким, «влекущим сердца», влияющим на мировоззрение народное... Оттого партия следит за тем, чтобы представители Церкви, пастыри и архипастыри, были как можно более серыми «бытовиками», а не апостолами и не пророками, жгущими сердца. Апостольство в СССР не дозволено, религиозное учительство прекращено, пророчество запрещено. Пастыри могут быть только «служителями культа». Церковь не должна вызывать энтузиазма. И надо, чтобы она возможно более походила на ту картину, которую сами безбожники рисуют, говоря о Церкви... Этим ясно можно объяснить и ряд хиротоний архиерейских, совершенных Московской Патриархией.

Божьей истине нельзя в СССР сиять. В этом суть ее удушения.

«Истина» в Сов. Союзе официально допущена только одна: партийный, казенный материализм. Другой истины не должно быть. О сосуществовании идеологий нет речи. Материя в СССР это божество, от коего (по догмату материализма) все и к коему все. Каждение этому лжебожеству обязательно, в какой-то мере, для всех

поэтов, писателей, мыслителей, ученых, издателей, администраторов... И такая ситуация — огромный духовный экзамен для всех пастырей Церкви и верующих людей в СССР.

Совет по делам Православной Церкви при Совете Министров СССР имеет неограниченные средства не только наблюдать, внимательно следить за жизнью и благонадежностью всех пастырей Церкви и верующих граждан, но этот Совет считает своим партийным долгом и умерять горячность веры в Бога, активность мирян и ревность священнослужителей в области чисто религиозной. И действует старая (от 20-х—30-х годов) тактика! Даже малые и мнимые грехи пастырей и верующих должны раздуваться в печати СССР.

Русское многотерпеливое пастырство, храня в своих открытых (точнее сказать, еще не закрытых) храмах свет веры и церковной молитвы, испытывает на каждом шагу великое унижение, зажимы, укоры и придирки, ведущие к потере пастырем права священнослужения. Священники не могут посещать дома своих прихожан для укрепления их в вере. Местные областные и районные власти легко отказывают священнику в праве на духовное пастырство, по разным выдуманым причинам, или задерживают выдачу такого ему разрешения пока пастырь не бывает вынужден покинуть место, куда был прислан церковной властью. Происходят под давлением гражданской власти увольнения и перемещения епископов и священников. А уволенные на покой пастыри не имеют права даже молиться перед престолом в церквях и т. д... Особенно детей всячески стараются оторгнуть от Церкви, не допустить до нее, затруднить крещение их. Всего не перечисть, что выносит Церковь...

И за рубежом мы видим, что те православные пастыри, которые живут в Западной Европе и Америке, но связаны административным подчинением Московской Патриархии, не смеют и рта открыть, для правдивого общественного объяснения миру всех трудностей и страдания Русской Церкви. Исключением являлся до сих пор Архиепископ, ныне митрополит Антоний (Блюм), выступавший в Англии, в пределах ему возможных, общественно, указывая англичанам на страдания Русской Церкви. В настоящее время, к сожалению, и этот иерарх соскользнул в мертвую, для Церкви вредную, абстракцию, в обличении своем Русской Архиепископии Западно-Европейской, ее благочестных, и весьма нужных в Европе, независимых путей... Удивительна эта канонически-«двойная бухгалтерия»!.. Русской Церкви в СССР приходится идти сейчас на тяжчайшие, ужасные компромиссы (о чем еще раз говорят документы, упоминаемые нами), у ней на устах «кляп», а ее иерарх в свободной Европе нападает на свободу и поистине святую независимость Церковной жизни от вопиющих незаконных, творящихся в Советском Союзе! Многострадальные каноны Церкви, увы, не мо-

гут говорить человеческим языком (а в данном случае и вопиать) против такой эксплуатации их... Их эксплуатируют — слева и справа, — как мертвую букву.

Митрополит Антоний, отлучивший Западноевропейскую Православную Архиепископию от молитвенного общения с собой, сам себя, конечно, отлучил этим от любви Божьей и Христовой правды, а также отлучил себя от своих православных братьев, путь которых, в их свободе слова и духа, благословен. И самой Русской Церкви они, в этой своей свободе от уз ее, послужат конечно гораздо более, чем безгласные или, увы, неправедногласные деятели Экзархата Московской Патриархии в Западной Европе, которые, даже не связанные лояльностью к властям СССР, в лучшем случае, молчат, связанные лояльностью к тем, которые связаны таковой лояльностью.

Говоря полным голосом, религиозно-правдиво и без всякой политической суеты, о всех переживаниях Русской Церкви, мы не преуменьшаем подвигов русских верующих людей и пастырей и не скрываем их страданий.

Верующим людям, где бы ни были они, ясно видна дьявольская природа гонений на Божий Свет... «Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что не много остается времени» (Откр. XII, 12). Так говорит Откровение, описывая поклонение людей, не Божьей правде, а силе и власти Зверя: «Дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним» (Откр. XIII, 3-4).

Зверем соблазнено уже много душ... Но многие и «не убоялись зверя», не отреклись от Бога Живого, не похулили Святого Святых, не предают братьев, не признают добром — ложное «звериное» добро!

Это — братья наши. Свет их светит. Мы слышим их голос... И пусть до них дойдет слово нашей молитвенной любви:

Братья — знайте — мы слышим вас!

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Род. 11-V-1889/ум. 5-III-1966

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

*Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда — в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.*

«Трилистник Московский», 1961—1963.

УМЕРЛА АХМАТОВА

Помню ее над гробом Блока, при последнем прощании, в церкви Смоленского кладбища —

Принесли мы Смоленской Заступнице
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном...

Прошло много лет. Теперь похоронили и ее. «Никого больше не осталось». Это мы говорим: современники, почти сверстники ее. Знаем конечно, что требует это оговорок, но пусть другие делают их за нас. Достаточно правды в этих словах, чтобы нам их простили даже те, кто еще не родились. Они поймут: каждый раз вкушали смерти и мы, когда умирали наши поэты; и когда нас не будет, все будет так, как если бы мы умерли с ними заодно.

*
**

Не скоро наступит для русской поэзии время, сравнимое с тем, концом которого можно считать похороны Блока, а вторым, самым уж окончательным концом погребение Ахматовой. Она ведь была не на сорок пять, а лишь на девять лет моложе его. Поэзия ее с полной ясностью определилась рано, хотя это вовсе не значит, что не раскрылось в поэзии этой за последние десятилетия много нового и значительного, чего прежде предвидеть было нельзя. Однако, голос ее все-таки навсегда остался тем же, который зазвучал в первой книге ее стихов, вышедшей в 1912 году. Многие услышали его тогда же, распознали его единственность; трудно было ошибиться: такого тембра, таких интонаций, как раз тем и волнующих, что совсем «комнатных», разговорных, в русской поэзии еще не слышалось. Голос был женский, темы точно также сплошь были женские или девичьи, и лиризм их был такой непосредственный, личный, что стихи эти почти могли показаться выдержками из писем или дневников. Но этим, оценившие их должным образом, не обманулись: удивил и восхитил их именно контраст между этой интимностью тона и строгой выверенностью его, не допускающей никакого «избытка чувств» и никакого многословия. Очень опрометчиво сравнивал впоследствии Андрей Левинсон (для французов, правда, но зачем же было их обманывать?) Анну Ахматову с Марселиной Деборд-Вальмор, поэтессой, поэзии не чуждой, но которая вечно, с распущенными волосами, перед зеркалом и при свечах, писала письма, длинные письма оперным, очень оперным Онегиным. У Ахматовой, с первых ее шагов, ника-

ких нет признаний, заклинаний, душеизлияний. Ее лирика драматична, но как раз потому, что обходится без «экспозиций»: одни пятые акты, и отнюдь не мелодрам.

Скорей уж Христину Россетти, но и то лишь издали, она напоминает, а наши две раньше прославившиеся поэтессы вовсе не похожи на нее. Стихи Каролины Павловой — мужские, да и всего чаще очень книжные. Зинаида Гиппиус неизменно, слагая стихи, именovala себя в мужеском роде; чтобы стать поэтом, ей пришлось поэтессу в себе зачеркнуть. Ахматова стала одним из драгоценнейших наших поэтов, оставаясь поэтессой, женщиной. «Стала» тут и не совсем даже уместно: голос был у нее на редкость свой, своеобразия завоевывать ей почти не приходилось: оно было ей подарено. Есть в первой книге стихотворение («Вечерняя комната»), где хризантемы и георгины Анненского сочетаются с клавиринами, саше и севрскими статуэтками Кузмина (написавшего предисловие к этой первой книге), но ученичества в ней мало, даже хризантемы и саше переложены на ахматовский голос; а вскоре будут написаны и в ту же книгу войдут такие стихотворения, как «Сероглазый король», романтическая и (может быть) скандинавская баллада, строк на двести-триста по скромному расчету, вправленная, однако, с поразительным мастерством в семь двестишестидесяти, или «Рыбак», стихотворение такой четкости рисунка и такой меткости прицела в каждом своем слове, что Гумилев мог бы его напечатать в качестве манифеста той поэтики, которая точнее, чем его дарованию, отвечала дарованию Ахматовой, но которой не Ахматова дала нелепое имя акмеизма.

Одно из самых ранних стихотворений (1909 года) начинается стихами, поражающими своей неукрашенностью, «прозаичностью» (конечно мнимой):

Подушка уже горяча
С обеих сторон.

В 1911 году написаны знаменитые строчки:

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Это свидетельства драматичности ахматовской лирики: выразительны не сами слова, но изображенное ими; требуется от них только, чтобы они предметное значение свое высказали с предельной сжатостью и точностью. Но и сосредоточеннейший лиризм этой лирики достигается словами, почти столь же обиходными, однако смысл которых уже нельзя оторвать от их звука и от интонации фразы (в данном случае вопросительной):

Я места ищу для могилы.
Не знаешь ли, где светлей?

или, — как в последней строчке того же стихотворения («Похо-
роны»),

И у ног голубой приборой —

от повторения звуков, ради которого слова (пусть бессознательно)
и отобраны, при полной сохранности, однако, их первичного, есте-
ственного смысла.

В первой же книге, таким образом, отчетливо проявились те
два устремления поэтической мысли, из сочетания и взаимодейст-
вия которых выросла постепенно вся поэзия Ахматовой. Очень на-
глядно ложатся они одно рядом с другим (сперва второе, затем
первое) в четверостишии, которым начинается одно из немедлен-
но прославившихся стихотворений второго сборника (1913):

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Третья и четвертая строчки, хоть и не столь драматичны, но
столь же «сценичны», как приведенные выше о подушке и пер-
чатках, тогда как две первые живут «музыкой» и «невыразимым»,
а поэтому и почти той же, а не другою жизнью живут с тех пор,
как «невыразимым» заменило первоначальное «невыносимым». Уст-
ремление, столь ярко сказавшееся в последних двух стихах, больше
обратило на себя внимание и сильнее, чем другое, определило по-
этику, которой покровительствовал, не всегда ей следуя, Гумилев;
но для самой Ахматовой характерны оба, в нераздельности их, да
и вообще слишком подлинным была она поэтом, или слишком ис-
ключительно поэтом, чтобы свои приемы ощущать приемами, и
тем более чтобы учитывать усвоение их другими. Ей подражали,
но ее это не интересовало. Ее примеру, кроме того, следовали
более одаренные люди и более плодотворно, чем примеру Гуми-
лева. Для историков литературы это важно, ей же вряд ли казалось
это существенным: совсем не была она литератором, и больше
всего ценила поэтов, всего меньше похожих на нее.

Поэтом она была, с детства и до конца дней, жизненно, всею
жизнью, и в жизни, а не над нею; то-есть конечно и «над», но
не отрываясь от нее. Так — всех настойчивей в России — жил
Блок, но отнюдь не все поэты, даже очень значительные, так живут;
и уж вовсе нельзя отсюда заключать, что «средством» она «все
в жизни» считала «для звонко-невучих стихов», как это пошлово
сказано у Брюсова. Такое понимание и жизни, и поэзии может
удовлетворить лишь очень незначительного поэта. Ахматова не
покупала у жизни стихо-возбудительных средств, но жизнь свою
осмысляла поэзией и, живя, осмысления этого не забывала. Да и не

одной своей жизнью она жила. «Вечер» и «Четки» еще позволяли,
быть может, этого не замечать, но не то, что последовало за ними.
Драматически заостренный лиризм ее дарования не только до-
пускал выход за пределы «своего», но и требовал такого выхода,
требовал стихов не от своего лишь имени, требовал жизни в дру-
гих и за других.

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в год один —

не она развязала войну, пошла на войну, но в «Белой стае» мы
прочли не какие-нибудь, а вот эти стихи (1916 года), о ее начале,
как и два другие столь же достойные темы стихотворения, напи-
санные на другой день после этого начала и впервые опублико-
ванные в том же еще 14-ом году. Не о ее другие стихи:

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать,
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

И эти не о ее сыне:

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом Кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

Совершеннейшее стихотворение; да и первое тоже*). Распро-

*) О нем скажу, что помечено оно "1914", но до "Анно Домини"
как будто в печати не появлялось (нет на это указаний и в первом томе
"Сочинений" под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова), и не исклю-
чена в о з м о ж н о с т ь, что помечено оно неправильно. Слова о
том, что "любит кровушку" р у с с к а я земля, подходили бы скорей
к дате более поздней. В берлинском издании "Анно Домини" ("Петербург,
1923") пометки этой нет. — Второе стихотворение датировано 1918 годом.

страняться о совершенстве его совестно, из-за темы и соответствия теме, в котором совершенство и состоит; а все-таки, как мелодично и воздушно «Анатолии далекой», после чего неверная рифма, чуть дальше, ранит, в сердце бьет еще верней; и как точно: «мадеру», как еще больней для тех, кто помнит, что моряки у нас именно мадеру пили всего охотней. Так что есть тут и «звенела музыка», и устрицы или перчатка не на ту руку, но в другом объеме, в широкости, которая личной, «своей» жизни не исключает, но которую Ахматова, 20 июля 1914 года, раз навсегда, включила в личную свою жизнь.

*
**

Еще на западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

Я познакомился с ней лишь через два года после того, как были написаны эти стихи, и бывал у нее довольно часто в 23-ем и в первой половине следующего года. Она все приняла, и кресты эти, и воронов, голод, маузеры и наганы, серость новых хозяев, участь Блока, участь Гумилева, осквернение святынь, повсюду разлитую ложь. Она все приняла, как принимают беду и муку, но не склонилась ни перед чем. Оценка происшедшего и происходившего подразумевалась; не было надобности об этом и упоминать. Перед моим отъездом, Анна Андреевна просила меня навести в парижской русской гимназии справки, насчет условий, на которых приняли бы туда ее сына, если бы она решилась отправить его в Париж. Я справок не наводил, не очень в это предприятие верил, да и писать ей боялся, чтобы ей не повредить. Сама она никуда уезжать не собиралась. Ее решение было непреложно; никто его поколебать не мог. Пытались многие. Друзья ее один за другим уезжали или готовились уехать. Часть их переходила границу тайно; они предлагали перевести и ее. Такого же рода предложения получала она и от уехавших. С улыбкой рассказывала мне об этом. Я ее уезжать не уговаривал, и не только из робости; не стал бы уговаривать, даже если был бы старше ее и связан с ней давнею большою дружбой. Я чувствовал и что она останется, и что ей нужно остаться. Почему «нужно», я быть может тогда и не сумел бы сказать, но смутно знал: ее поэзия этого хотела, ее нерожденные еще стихи могли родиться только из жизни, сплетенной с другими, со всеми жизнями в стране, которая, для нее, продолжала зваться Россией.

Приближалась она тогда к тридцати пяти годам. Часто хворала, была очень худа, цвет лица у нее был немножко землистый, руки тощие, сухие, с длинными, слегка загнутыми внутрь пальцами,

напоминавшими порой когти большой птицы. Жила в скудости, одевалась более чем скромно. Показала мне раз монетку, хранимую ею: старушка ей подала на улице, приняв за нищенку. Но старушка все-таки была, нужно думать, подслеповата. Стать и поступь этой нищенки были царственны. Не только лицом — прекрасным и особенным, скорее, чем красивым — но и всем своим обликом была она незабываемо необычайна. Знала это, разумеется, очень хорошо (было кому и научить, если бы сама не догадалась). Иногда поэтому, в обществе людей не близко ей знакомых, проявлялась у нее некоторая манерность. Зато как бесконечно была она проста, мила, умна, когда угощала меня — поклонника, но не претендента — самодельным печеньем с чашкой кофе, и никого не было при этом или была одна, нежно любимая ею «Олечка» (Глебова-Судейкина). Читала, если попросить, стихи; прочла однажды, по моей особой просьбе, «У самого моря» (там, всегда мне казалось, в движении, в пении стиха есть что-то, из чего родилось все самое ахматовское в Ахматовой). О себе она не говорила, болезненно-близких имен (Гумилева, например) никогда не произносила; но об одном — радуюсь — я от нее узнал, не житейском, но касающемся писания стихов, а значит жизненном, и для нее, жизнью поэта живущей, существенном. Она мне сказала, что, слагая стихи, она никогда в руки не берет пера и бумаги. Работает долго над каждым стихотворением, но записывает его лишь в полностью отделанном виде, после того, как прочла друзьям, порой через неделю или две после эстрадного его чтения. Она и вообще писать, писем хотя бы, по ее словам, терпеть не могла, пера в руке держать не любила. Да и сочинять какие-нибудь не-стихотворные тексты было ей тягостно. Когда чествовали Соллогуба, она меня попросила составить краткое приветствие, которое прочла на сцене Александринского театра, в полном великолепии, на этот раз, в белом шелковом платье, чуть ли не со шлейфом, — а если не было шлейфа, было легко, на нее глядя, шлейф вообразить. Но вообразить ее нанизывающей безличные фразы такого (от союза писателей) приветствия было нелегко. У нее и почерк был старательный и негибкий, как у тех, кто не привык писать. Умиляюсь надписям на двух сборниках, одновременно мне подаренных, вспоминаю, как она их тщательно выводила; коротенькие, а на второй устала, подписалась одной фамилией. Но как показательно, как ей к лицу это вынашивание стихов в себе, долгое, без записи, это пребывание в ней слова среди забот, утех, скорбей. С каким вниманием слушала она музыку его, как бережно его несла... И вот, сквозь долгую жизнь, нетленно донесла до гроба.

Сорок два года еще жила там, где нас нет. Как их прожила, этого мы в подробностях не знаем. Читали (трудно в этом сомневаться) лишь часть написанного ею за эти годы. Но этого доста-

точно. Предполагаем, что думала о нас, здешних, ставила себя на наше место (например, когда писала стихотворение свое — одно из лучших ею написанных — о Лотовой жене). Знаем, что не осудила. Знаем еще тверже: и нам благодарить ее надо за то, что она осталась там.

Даже и почерк стал как будто побойчее. Литератором пришлось сделаться; не банально, положим, а достойно (писала о Пушкине, да и так, что дай Бог всякому пушкинисту). Переводами пришлось заняться, не всегда по своему выбору, не всегда с языков, ей известных. Пришлось выслушивать окрики невежд, и хуже, чем невежд (свирепейшего из них, Жданова, помянули казенной хвалой за несколько дней до ее смерти). Пришлось молчать, — и вообще молчать, и молчать, когда замучен был Мандельштам, когда повесилась Цветаева. Пришлось, пытаюсь спасти сына, не молчать — в стихах, в стихках... Многого пришлось. Но если бы не осталась, кто бы тогда написал:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Кто бы написал «А вы, мои друзья последнего призыва...» или «Постучи кулачком — я открою...» или вообще встретил «Ветер Войны» — еще раз — как поэт, а не как столькие другие, все именуемые этим именем? Кто бы «Реквием» прорыдал, свою жизнь, свою муку ни от чьей жизни, столь же мучимой, не отделяя? «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях». Это и дает ей право сказать, что тогда и все эти годы она была «Там, где мой народ, к несчастью, был». Поэтому, уже и поставлен ей памятник всеми нами, теми, кто, потеряв Россию, людьми остались, в России или не в России; поставлен не где-нибудь,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громыхание черных марусь,

Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Не повидал я Анну Андреевну перед ее кончиной. Приезжала в Париж, но меня в те дни тут не было. Очень об этом жалею, и даже этого стыжусь. Немножко вроде как того стыжусь, что два месяца, в Петербурге, лежал у меня на столе ее альбом, куда вписывали ей стихи, скромный, небольшой, в темном кожаном переплете, какие бывали не у поэтов, а у барышен; два месяца лежал, и не решился я ничего туда вписать; так ей и вернул.

Вижу ее теперь, то в чем-то сереньком, тошенькую, ту, которой милостыню подала старушка; то высокую в белом, при свете люстр, сверканьи хрусталей. И когда в белом, словно венчик чудится мне над ней. Не венчальный, не царский... Верно из лавров сплетенный? Нет, — прозрачней, светлее: едва ли не мученический венец.

АННА АХМАТОВА

НЕИЗДАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ТРАГЕДИИ «СОН ВО СНЕ»

Трагедия «Сон во сне» была написана во время войны, в Ташкенте, но по возвращении в 1944 году в Ленинград, «почувствовав какое настроение», Ахматова ее сожгла. В последние годы Ахматова восстанавливала ее по памяти и, вероятно, по своему обыкновению, дополняла и переделывала. До сих пор из «Трагедии» было напечатано всего четыре небольших отрывка. (См. «Бег времени», стр. 397-399).

В предлагаемом отрывке, нигде не печатавшемся и записанном нами с голоса, заключена одна из основных тем поэзии А. Ахматовой: взаимная невидимая верность вопреки всем видимым изменам.

Публикация Н. А. Струве.

Говорит он:

Оттого что я делил с тобою
Первозданный мрак,
Чьей бы ты ни делалась женою,
Продолжался, я теперь не скрою,
Наш преступный брак.
Мы его таили друг от друга,
От людей, от Бога, от конца.
Помню место Дантовского круга,
Словно лавр победного венца.

Видел новобрачную во храме,
Видел и живую на костре,
Видел и побитою камнями
И игрушкой в демонской игре.
Отовсюду мне в глаза глядела,
Отовсюду ты меня звала,
Душу мне и это тело
Ты как Богу жертву отдала.
Ты одна была моей судьбою,
Был я для тебя на все готов.
Боже! Что мы делали с тобою
Там, совсем в последнем слое снов.
Кажется я был твоим убийцей
Или ты? Не помню ничего...
Римлянином, скифом, византийцем
Был свидетель срама твоего.

Она говорит:

Сколько в другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была.
А верность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь пила.

Никита СТРУВЕ

НА СМЕРТЬ АХМАТОВОЙ

*«Что? Что? Уже?.. Не может быть! Конечно!
И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно...»*

А. Ахматова, «Трилистник Московский»,
1961—1963.

Каким было небо в Москве, когда Ахматова «навсегда покинула город», мы не знаем, но бирюзовым и запоздало святочным было оно у нас в Париже, когда разлеталась, промелькнувшая накануне в вечерней газете, весть о ее смерти. «Что? Что? Уже? Не может быть! — Конечно!», повторял себе всякий кто сколько-нибудь следил за литературной жизнью последних лет, но особенно тот, кому в Лондоне или в Париже, всего несколько месяцев назад, выпала нечаянная радость видеть, слышать Ахматову.

Смерть Ахматовой... Нужны не косноязычные слова, а державинский стих, чтобы передать трагическое величие этого события. Не только умолк «неповторимый голос», до последних дней вносивший в мир, вопреки «обреченному телу», тайную силу гармонии, с ним завершила свой круг и вся неповторимая русская культура, просуществовав от первых песен Пушкина до последних песен Ахматовой ровно полтора века лет. Конечно были предтечи, будут и эпигоны, но такой, какой она была, цельной, великой в своей человечности, русской культуре уже не бывать.

Поэтическое возрождение серебряного века имело разные источники (Соловьев, Тютчев, французская поэзия), но точка его завершения была одна: Пушкин. К Пушкину, под конец, потянулись далекие от него символисты, с Пушкина начали акмеисты, но ближе всех к Пушкину подошла Ахматова. Пушкин и Ахматова — первое и последнее кольцо замкнувшейся золотой цепи русской поэтической речи.

От Пушкина у Ахматовой высшее чувство меры, целомудрие слова, сжатость выражения. И — обостренная совесть. От Достоевского («А Омской каторжанин все понял и на всем поставил крест») психологическая осложненность и философский пафос. От Иннокентия Анненского («А тот кого учителем считаю») утонченность современной чувствительности. Последняя великая представительница великой русской дворянской культуры, Ахматова в себя всю эту культуру вобрала и претворила в музыку.

Смерть Ахматовой... Завершение длинной, трагической жизни, прошедшей через каторжные десятилетия ломки века, травли, замалчивания, террора.

Меня как реку
Суровая эпоха повернула,
Мне подменили жизнь.

Для многих Ахматова оставалась поэтом «Четок» и «Белой Стаи». Ес это огорчало, тяготило. «Прочтите нам, Анна Андреевна, что-нибудь из «Четок». «Зачем, — отвечала она, — это вы и сами можете прочесть, да я так все это не люблю». Зато с какой силой, с каким вдохновением читала она своим, ни на какой другой на свете не похожим, глубинным голосом, поздние стихи. Совершенства, как всякий большой поэт, Ахматова достигла сразу, с первых стихов «Вечера», и как всякий большой поэт, она возрастала от совершенства к совершенству. «Тайны Ремесла», «Поэма без героя», «Реквием», вся «Седьмая книга» — вот вершины ее позднего творчества. Сама Ахматова «лучшим», что она написала, считала «Полночные стихи», небольшой цикл волшебных стихов, написанных в 1963 году. А сколько еще неизданных, неслышанных стихов!

При всей ее трагичности, нельзя не видеть и законченности в судьбе Ахматовой. Бурная слава в молодости, длинные годы унижения и страдания, а последние два-три года все растущее, уже не столько русское, сколько мировое признание*), две поездки за границу, приглашения, телеграммы: «прямо, как пятьдесят лет назад».

И смерть в преклонном возрасте, но в полном расцвете творческих сил.

Смерть Ахматовой... А всего восемь месяцев назад — я сидел благоговейно перед ней, слушал ее живую речь, заслушивался ее чтением, и по мере того как она говорила, читала, комната наполнялась таинственной, божественной гармонией... И сколько силы жизни было в ней! Какой ясный и твердый ум! Какая непреклонная, светлая совесть! Сколько простоты... И прежде всего и больше всего, какая волшебная музыка души и чувств!

А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей,
Я не знаю который год,
Ставший сказкой из страшной были,
Ставший горстью лагерной пыли,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам девки безносой
Суждено охранять его...
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо? —
Звуки голоса своего.
За тебя я заплатила
Чистоганом,
Целых десять лет ходила
Под наганом.
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела!

«Ну скажите же что-нибудь», обратилась ко мне Анна Андреевна, прочтя эту еще не изданную строфу из последней части «Поэмы без героя».

Но что можно сказать перед страданием, претворенным в гармонию? Когда «все кругом блаженно и безгрешно»...

*) Только жалкая трусливость и подлая расчетливость помешали Шведской Академии присудить Ахматовой высшую награду.

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ А. А. АХМАТОВОЙ

Мы печатаем ниже доставленные нам выдержки из двух писем из России — от двух разных лиц. **Первое письмо**, из Москвы, написанное совсем юной советской девушкой, описывает проводы тела А. А. в Москве и в тонкой и проникновенной форме выражает пережитое русской молодежью чувство глубокой и скорбной утраты от ухода из жизни большого русского поэта. Для молодого автора письма эта смерть, как она говорит, «не только завершение какого-то большого пути русской культуры, но и крушение неких надежд».

Второе письмо, из Ленинграда, служит как бы продолжением первого: в нем описывается подробно отпевание А. А. Ахматовой в Никольском соборе и погребение ее в Комарове (б. Коломяги, под Петербургом), где А. А. последние годы обычно проводила лето. Автор этого письма, повидимому, человек более зрелый, но тоже сравнительно молодой — иначе он едва ли бы говорил о Л. Н. Гумилеве, которому около 55 лет, как о человеке средних лет. В этом письме обращает на себя внимание то, что на отпевании в Никольском соборе была почти исключительно молодежь и почти не было писателей. Показательно и отраднo это преклонение юного советского поколения перед поэтом, о котором их отцы, может быть, даже и не слышали: ведь между 1925 и 1940 гг. и снова между 1946 и 1951 гг. Ахматова была изгнана из литературы. Нельзя не отметить и того, что авторы писем, так преклонявшиеся перед А. А. Ахматовой, впервые увидели ее в гробу.

Ред.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ О ПОХОРОНАХ АННЫ АХМАТОВОЙ

Москва, 9-го марта.

...Я задержала ответ на Ваше письмо в связи с очень печальным событием, о котором Вы уже верно знаете. 5-го марта скончалась Анна Андреевна Ахматова. Сегодня утром, девятого, москвичи прощались с ней, сегодня же самолет с ее прахом будет в Ленинграде, где ее похоронят — в Комарове, за городом*).

Я видала ее сегодня впервые. Она была прекрасна в гробу. Я боялась взглянуть на ее лицо, мне казалось, что смерть не щадит никого. И еще раз я убедилась в том, что она — это не все, и смерть ее — иная. Прозрачное бледное лицо было прекрасно, и выражение его — спокойно-величественное и усталое — было че-

*) К этим сведениям можно добавить, из другого источника, что 8-го и вероятно, и в предыдущие дни, служились панихиды в разных церквях Москвы. Тело Ахматовой оставалось так долго в морге из-за гражданского праздника «День женщины», падающего на 8 марта. — Прим. Ред.

ловеческим. Это не была покойница, но очень уставший человек. Было очень много людей, цветов, слез.

Два с лишним месяца она лежала в больнице с инфарктом — третьим по счету! После больницы она была несколько дней в Москве, потом ее увезли в санаторий, где она скончалась от сердечного приступа пятого марта утром. То, что чувствовали люди, прощаясь с ней, трудно передать. Невозможно.

Не было таких поэтов. Не было таких женщин. Не было таких стихов — прямо от Пушкина — и дальше, дальше. Вспоминали над гробом стихи Цветаевой о ней. Была там и сестра М. Ц.

Для меня эта смерть значит очень много. Не только завершение какого-то большого пути русской культуры, но и крушение неких надежд — именно я смутно надеялась, что она бессмертна. Все другие наши большие потери были — или когда меня еще не было, или я была слишком мала. А эта смерть резко меняет многое...

Пятого же марта сняли посмертную маску с ее необыкновенного, прекрасного лица. Хотели снять слепок и с руки, но рука отекала, деформировалась. С этим поэтом, с этой женщиной ушло так много, столько теней, которые окружали ее...

Ленинград, 15-го марта.

Кончина Анны Андреевны Ахматовой, вероятно, взволновала и Вас, высоко ценящего ее замечательный, неповторимый талант. Умерла она 5-го марта по приезде в один из московских санаториев. По дошедшим до нас слухам, матушка Москва (конечно, официальная) так и не удостоила ее торжественными проводами в последний путь. Зачем лишние волнения и беспокойства: прописана в Ленинграде, пусть Ленинград и провожает. Но все-же несколько десятков ее почитателей успели проститься с ней в морге*). А 9-го марта к 5 часам вечера гроб был доставлен на самолете в Ленинград и установлен в Никольском соборе.

С этого времени я был непосредственным свидетелем всего того, что происходило, и обо всем этом хочу поделиться с Вами, пока еще свежо в памяти.

9-го марта к 6 часам вечера я был в соборе. Шла обычная служба по случаю великого поста, молящихся было много, и, конечно, никому из них не было дела до умершей поэтессы. А гроб ее, открытый, в цветах, уже стоял в правой полуосвященной сто-

*) Из другого письма: "В крошечном морге больницы Склифосовского была людская лавина; а официально — кроме газетных сообщений — молчок".

Прим. Ред.

роне храма, и около него уже стояло в скорбном молчании несколько десятков человек. Эти первые минуты оставили особенно сильное впечатление. Я стоял в двух шагах от гроба и долго смотрел на красивое, не искаженное смертью, скорбное лицо с весьма характерным профилем, сразу же напомнившим прекрасный портрет работы Н. Альтмана. При жизни мне ни разу не пришлось увидеть Ахматову, и это было первое мое свидание с ней...

Сразу же была отслужена панихида, через час — вторая.

После первой панихиды прошел сквозь толпу и стал у гроба Лев Николаевич Гумилев — среднего роста, средних лет, с заметно седеющими волосами, с чертами лица очень похожими на мать... Ко второй панихиде было уже порядочно народу, хотя никаких собраний не делалось.

На следующий день, к 11 часам, я снова был в соборе. Шла обычная служба. Теперь гроб стоял в центре собора, перед алтарем. Народу было уже так много, что пробраться к гробу было трудно. Также стоял у гроба Гумилев. Братьев-писателей никого не было, а если кто и был из малоизвестных, то держались в стороне. Через каких-нибудь полчаса собор был до отказа наполнен людьми, так что трудно было повернуться. Народ стоял на улице, у входа. И что это был за народ! — Почти исключительно молодежь, студенчество*).

В 12 часов началось отпевание. Для священника (настоятеля собора)**) и дьякона, одетых в белые ризы, была, хотя и привычная, но трудная работа. Вряд ли им приходилось когда-нибудь отпевать при таком огромном скоплении в основном не верящего в Бога народа...

После отпевания все находившиеся в соборе медленно прошли мимо открытого гроба, прощаясь.

К 14 часам гроб был доставлен в Союз Писателей, где была гражданская панихида. Я был и там. Народу было столько, сколько смогло вместить сравнительно небольшое здание, а остальные ждали на улице. У гроба выступили писатели М. Дудин, О. Берггольц, академик М. П. Алексеев, М. Борисова и Н. Рыленков (от Москвы). Выступлений их мне почти не было слышно.

Похороны, вероятно по ее завещанию, состоялись в тот же день в Комарово. Я приехал туда на поезде за час раньше. По дороге от станции к кладбищу уже шел народ, двигались машины. Кладбище маленькое, лесное, занесенное снегом. В правой стороне,

*) Другой источник говорит о толпе в 5 000 и более человек.

***) Прот. Алексей Медведский, славящийся в России своим проповедническим даром.

в конце дорожки у ограды была вырыта могила. К 6 часам привезли гроб, и собралось довольно много народа (человек 150-200), студентов уже не было, была главным образом интеллигентная публика средних лет и кое-кто из писателей. У открытой могилы выступил первым, от Москвы, Сергей Михалков, затем Г. Макогоненко — от ленинградских писателей, и третьим — переводчик А. Тарковский. Все выступавшие говорили очень хорошо: и о мировой известности великой поэтессы, и о глубокой искренности ее творчества, и о ее красивой, гордой, но трудной и горькой судьбе, и, наконец, о гонителях ее таланта. И все это без налета официальности, глубоко искренно, человечно.

Гроб опустили в могилу, застучала по крышке мерзлая земля, в глубоком молчании все стояли вокруг могилы, пока не вырос над ней холмик с белым деревянным крестом, с венками и с букетами из живых цветов...

А потом стали медленно расходиться и разъезжаться.

Видал, между прочим, и в соборе и на похоронах молодого поэта Иосифа Бродского, которому покровительствовала покойница и о котором Вы, вероятно, уже много слышали...

Общее впечатление о дне похорон осталось у меня хорошее, остались хорошие воспоминания. Конечно, гонители всячески старались, чтобы событие это прошло незаметно, но их старания не достигли цели. Ленинградцы веско заявили о том, что Анна Ахматова была и остается их лучшей и любимейшей поэтессой.

Прот. А. СЕМЕНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ

СЛОВО ПЕРЕД ПАНИХИДОЙ В 9-й ДЕНЬ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ

Сегодня в соборном нашем храме совершается торжественная панихида об упокоении души Анны Ахматовой. Это девятый день по ее кончине.

Надо думать, много народа придет туда помолиться о ней. Но не можем и мы здесь не вознести о ней свои молитвы. Мы так много говорим о нашей преданности России и ее культуре и было бы непростительно не быть сегодня с мыслящей Россией, когда она оплакивает одного из лучших своих поэтов.

Здесь, в храме, не место читать лекцию о достоинстве ее поэзии, нельзя здесь рассказать и ее биографию, но кое-что сказать необходимо, чтобы молитвы наши стали горячее.

Мы, русские, ценим своих писателей и поэтов не только за искусство, т. е. за умение выразить то, что они выразить хотят, но и за то, что они выражают часто нам дорогое, за то, что они выражают то, что нас возвышает. Русская литература в лучших своих представителях всегда нас возвышала и в конце концов приближала нас к Источнику всего самого высокого — ко Христу.

Лучшие наши поэты догадывались об этом своем особом призвании... Так Пушкин писал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.

Это же могла бы сказать и Анна Ахматова.

Поэзия ее высока прежде всего тем, что она чиста и чиста в двух отношениях! Во-первых, потому, что, желая что-либо выразить, Ахматова заботилась только о чистоте своего голоса. В ее стихах нет никаких суетных прикрас и украшений, в них нет вообще ничего лишнего. Это — сама простота, но в то же время это конечно предельное искусство, мастерство. В этой поэзии нет ничего банального, забитого, дешевого; почти каждое слово ее незаменимо.

Во-вторых, лира Анны Ахматовой чиста и в отношении того, что она выражает. Ее поэзия полна, особенно в строках ее молодых лет, личными женскими интимными переживаниями. Это песни о любовных удачных и неудачных радостях и страданиях. Тут так легко соскользнуть в область «человеческого, слишком человеческого». Но этого у Ахматовой не бывает. Ее лира, как выразился недавно один выдающийся наш критик, патетична, а патетичность это может быть и есть то, когда страсть как страстность переходит в страсть как страдание, в страдание, которое очищает. Действительно много скорби есть даже в любовной лирике ее. Чувствуется, что сквозь жажду земного счастья проглядывает жажда радости, которой на земле здесь не бывает.

И вот быть может за эту чистоту и стало Анне Ахматовой открываться нечто высшее, очень высокое, но открывалось это по мере того, что Бог посылал ей все большие испытания и страдания. В этом неуклонном восхождении по ступеням все новых мук, сквозь собственные ее мучения открывалась ей вся глубина страданий русского народа и наконец и страданий Самого Христа.

По-видимому, самым страшным ее испытанием был арест, а потом ссылка на каторгу ее сына от первого брака с расстреленным теми же большевиками также выдающимся поэтом Николаем Степановичем Гумилевым. Триста часов изо дня в день простояла Анна Андреевна вместе с множеством таких же страдалиц у тюремных ворот в ожидании решения участи сына. Все это и дало ей повод

написать то, что она назвала «Реквием». В этих стихах звучит вся боль поруганного русского народа, и когда кто прочтет эти строфы, то несколько не преувеличенными покажутся ему эти слова Ахматовой, когда она говорит о себе

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ.

Разумеется, этот рот зажать старались, но все-таки Requiem появился в печати, но не на родине, а за рубежом. Проник, конечно он и в Россию и там тысячи рук переписывают его в свои заветные тетрадки. В последнем стихотворении цикла «Реквием» поэтесса дает согласие поставить ей памятник тем, кто бы пожелал это сделать, но при условии, что он будет поставлен у столь ей знакомых тюремных ворот. Это стихотворение есть, несомненно, само по себе также нерукотворный памятник, который Анна Ахматова воздвигла сама себе. «Ejegi monumentum».

В заключение настоящего слова, прежде чем мы начнем нашу молитву об упокоении ее души, невозможно не прочесть, здесь, в храме, два ее, находящихся также в цикле **Реквием**, четверостишия. Стихотворения на религиозные темы очень редко бывают удачными, но эти может быть являются лучшим образцом поэзии этого рода. Такие строчки мог написать только человек, сам испытавший горькую чашу страданий. Вот первое стихотворение.

РАСПЯТИЕ

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто меня оставил!»
А матери: «о не рыдай мене».

А вот второе:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

НАД БИБЛИЕЙ

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

БИБЛЕЙСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ*)

III.

Пневматологический универсализм Библии

В третьей главе нашего исследования, мы обратим внимание на универсальное действие Святого Духа в мире. Бог не только создал мир, но Он продолжает промыслять над ним, его миловать, освящать и преображать. Поэтому, христианский универсализм основывается не только на откровении о Боге как о Творце вселенной, но и на откровении о Святой Троице: «Отец Любит Сына». В этом откровении Дух Святой есть ипостасная Любовь Отца к Сыну. Дух есть творчество, динамика, движение, жизнь, экзистенция, любовь, радость, красота, совершение, божественный эрос, откровение...

Деист Ньютон рассматривал мир как некий механизм, заведенный Богом и потом предоставленный самому себе, своей, вложенной в него закономерности. При таком взгляде никакая молитва, никакое творчество и изменение вещей быть не может. Не возможно при деизме никакое богословское развитие, никакие новые откровения, никакой духовный прогресс, понятый в смысле сотрудничества (синергии) естественных, психологических сил с благодатью Божией. В деизме «Бог почил от дел Своих» в полном и превратном, статическом смысле этого еврейского слова «шаббат». В истинном же смысле слова «Субботство Божие» означает ожидание **ответа** твари на Божественное «Да Будет!». Оно означает потребность ответной любви и реакции, потребность в синергии, а вовсе не прекращение Божественного промысла и попечения о мире. Религиозная жизнь есть **диалог**, а не монолог. Новый Завет

*) Первую главу о «космическом универсализме» см. «Вестник № 77 II, — 1965 г. стр. 35-42. Вторую главу о «антропологическом универсализме», см. там же № 78 III — 1965 г., стр. 8-16.

учит о продолжающемся действии Бога в мире, о том, что Отец делает и Сын продолжает делать (Ио. I, 17). Но по вознесении Сына, в мире особо действует Утешитель, Дух Святой. Это заставляет нас рассматривать действие Бога-Духа особо.

Под словом дух в Священном Писании имеются в виду разные вещи. Иногда в Библии говорится о Духе Божиим (Быт. I, 2), иногда просто о духе, иногда об излиянии Духа (Деяния, пр. Иоиль), об исполнении духом — так сказать о «духовности» (Иез.), о «духе жизни», который пребывает во всякой живой плоти — т. е. в смысле души, о дыхании ветра («руах»).

Может быть, не ошибочно будет определить духовность как нечто противоположное материальности, плотяности, статичности, окаменелости и безжизненности. Дух есть жизнь, движение, творчество, недетерминированность, прорыв, свобода... Под духовностью понимается несвязанность с местом, как у ветра, особая привычная, не нормальная, сверхзаконная одаренность (талантливость, благодатствованность), способность преодолевать время и пространство и прозревать вперед (пророчество), способность быть восприимчивым и прозрачным для веяний Духа Божия, независимо от материального положения и состояния...

«Дух дышит, идеже хочет!» (Ио. III, 8) — вот Евангельский стих, может-быть, точнее всего выражающий качество духовности, а именно **свободное творчество**. Духу не свойственна никакая локализация: «Наступит время, когда и не на горе сей, — говорит Христос Самарянке, — и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ио. IV, 23). Действия Духа спонтанны, неожиданны. Они вызывают наше удивление и кажутся странными, непривычными и иногда даже противозаконными и незаконными. На страницах Библии много этих странных, кажущихся иногда противоречивыми, явлений Духа — и в Новом и в Ветхом Заветах.

И сама наша тема о библейском универсализме может произвести впечатление такой противоречивости, принимая во внимание классическое представление об избрании Богом «Своего Народа», Своего так сказать «удельного ведомства» (Исх. XIX, 5), «Народа Святых, выделенных избранников» (Исх. XIX, 6; Исх. XXII, 31; Лев. XXI, 7; Втор. VII, 6; XXVI, 19), принимая во внимание представление о выделенности христианской Церкви из мира (Ио. XV, 19; XVI, 33; XVII, 14; XVIII, 36; I Ио. II, 15; IV, 19; I Кор. IV, 9, 13; Гал. VI, 14; II Фесс. 2, 13 — о Церкви как о месте, вне которого «нет спасения» (по выражению некоторых Отцов), о Церкви, подобной в этом смысле Ноеву Ковчегу, вне которого смерть и уничтожение.

Но вот, несмотря на это «классическое» (и мы бы сказали «педагогическое» или методологическое) представление об ограни-

ченности и выделенности «Народа Божия», Израиля — и новозаветного понятия Церкви (понятия хотя и расширенного по сравнению с ветхозаветным, но все же ограниченного Законами, Уставами, Соборными Постановлениями и катехизисами) — вдруг мы наталкиваемся на **прорывы Духа**, свидетельствующие о безграничности и универсальности Его проявлений! Вдруг Сам Христос, приходивший «не нарушить Закон, а лишь пополнить» (Мт. V, 17, 18), Сам, подвергшийся обрезанию и крещению от Иоанна и соблюдавший все правила ветхозаветного благочестия, ... вдруг Он говорит Самарянке о служении Богу духовном, не локальном, не храмовом (Ио. IV, 23), т. е. о служении вне «горы», вне Устава и Закона! Сам Господь, давший на Синае Заповедь о «субботе», вдруг, будучи в духе, нарушает субботу! Вера Капернаумского сотника-язычника, благодаря действию духа Божия, оказывается такой, какой Христос «не находил и в Израиле» (Лк. VII, 9). Вера язычницы-сирофиникиянки (Лк. VII, 24-30), была тоже не менее сильной. Спаситель ставит в пример евреям любовь самарянина, оказавшегося более духовным, нежели левит и священник (Лк. X, 30), и напоминает об Илии, пришедшем к язычнице в Сарепту Сидонскую, и об Елисее, очистившем от проказы язычника Неемана Сириянина (Лк. IV, 25...).

За эту преодолевающую всякие границы «духовность» Христа жители родного Назарета, исполнившись, конечно, «ярости», выгнали Его вон из города и хотели сбросить с горы, чтобы убить... И они сделали бы это, если бы дух — тот же дух, который возводил Его в пустыню — (Лк. IV, 1), не сделал Его невидимым и не провел в сторону незаметным среди разъяренной толпы (Лк. IV, 29).

Уходя из земной жизни, Христос посылает ученикам Духа-Утешителя. Через учеников он посылает Его **всем** людям — ибо все люди, каждый на **своем** языке **слышит** Его утешение, — таков смысл того, что случилось в день Пятидесятницы и что произвело впечатление опьянения от вина. Ибо с точки зрения иудейского шовинизма и партикуляризма проявившийся дух универсализма выглядел как результат пьянства и религиозного разгула! Можете себе представить в дальнейшем удивление и прямо-таки ужас ап. Петра, когда Дух сказал ему (Де. X, 19), что виденное им в исступлении в доме Симона кожевника должно быть реализовано и что он должен будет найти язычника Корнилия и его крестить!..

Петром овладели еще большее удивление и страх, когда он — уже в доме Корнилия в Кесарии, проповедуя присутствующим язычникам о Христе, — вдруг увидел то, что было когда-то с самими апостолами в день Пятидесятницы в Иерусалиме; он увидел, что Дух Святой сошел на язычников, и все они стали говорить, подобно святым апостолам, разными языками!!

Видя это сошествие Св. Духа, изумлению Петра не было конца, и он сказал: «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?! И велел им креститься во имя Иисуса Христа» (Де. X). Он понял, что пророчество Иоиля об излиянии Св. Духа на всякую плоть выходит за границы видимой церкви Христовой.

В книге Деяний поясняется, что чудо сошествия Св. Духа на язычников могло случиться потому, что Корнилий сотник «был человеком благочестивым, боящимся Бога со всем домом своим, творившим много милости народу и всегда молившимся Богу» (Де. X, 2), и что ему, язычнику, было явление ангела Божия, который ему сказал, что молитвы его и милостыни пришли на память пред Богом, и нужно, поэтому, чтобы он послал за Петром в Иопию и научился от него истинным путям спасения (X, 3-3).

Но это объяснение деесписателя чуда схождения Святого Духа на язычников тем, что Корнилий был благочестив, богобоязнен, добродетелен и молился постоянно Богу, чуда не объясняет, а лишь отодвигает его объяснение назад, т. е. ставит вновь вопрос: а как же случилось, что язычник «молится Богу», богобоязнен, благочестив, добродетелен?! Вот, где совершилось настоящее чудо Духа вездесущего и все наполняющего и животворящего! Духа, который и в прошедших до нас родах, до законов и заветов с избранниками «попускает всем народам ходить своими путями» (Де. XIV, 16) и знать, что эти пути Ему Одному угодны и к Нему Единому всех ведут! Чудо Св. Духа совершается неведомыми, неисповедимыми и таинственными путями в сердце человеческом, сокровенно, без того, или точнее сказать, до того как это действие Св. Духа примет видимую для всех форму и знак. Так, «молитва» Богу начинается, может-быть, задолго до того, как человек перекрестится или встанет на колени, или войдет для молитвы в храм. «Молитва» Богу, может быть, начинается задолго до того, как сам человек ее сознал и назвал молитвой. Сознанию предшествует интуиция и подсознание, и природа сокровенного в сердце человека! Так, добродетель — сознательная, оформленная и детерминированная законом, — добродетель, определенная книгами и уставами, начинается, может быть до того, как человек встал на путь внешнего закона Божия, и делает добро человек до того, как встал на путь добродетели, до того как назвал добром то добро, которое было в его сердце всегда. «Языческая вера» и «языческие жертвы», может быть, суть только названия неизвестных для нас форм выражения единой веры и единого источника жертвенности и любви, гнездящегося в тайниках человечности, созданной для боговоплощения.

Поэтому будем осторожны, когда язычник, атеист или нерелигиозный человек скажет, что он «не молится». Может быть, язык

его молитвы просто нам не понятен и не ведом, как своеобразная «гласолалия» (I Кор. XIV, 14), как «неизреченные воздыхания Святого Духа» (Рим. VIII, 26), о которых «удобнее есть молчание». Люди иногда «пренебрегают» Его действием, как то было перед Потопом и что послужило причиной Божественного решения истребить всех людей (Быт. VI, 3). В эпоху Ноя Бог потому «раскалялся» и «восскорбел в сердце Своем» и навел на землю потоп водный, что «Дух Его был пренебрегаем человеками» (Быт. VI, 3). Но совершается чудо, когда люди жестоковейные «с необрезанным сердцем и ушами» начинают не противиться Духу, становятся внимательными к благодати Божией и восприимчивыми к Его открытиям.

В Библии есть потрясающие примеры такого действия Св. Духа на людей, находящихся вне ветхозаветного Закона и Завета Божия с Израилем.

Святым до Завета Божия с Авраамом и Моисеем был **Авель** (Быт. IV, 1...), почитаемый святым, т. е. исполненным Духа Святого, в православной Церкви (празднуется в Неделю Праотцев); **Энох** за свою святость был взят на небо «в рай» (Вульгата), хотя и не был обрезан и не соблюдал субботы, ни всех правил Закона, ибо жил еще до Потопа (Быт. V, 22-25); восхищение Эноха очень красочно описано в книге Эноха. В послании к Евреям говорится, что особая судьба Эноха и взятие его живым на небо были ему оказаны за его веру, которой он угодил Богу (Евр. XI, 5). Вера же Эноха была не в зависимости от ветхозаветной Церкви, от веры Авраама, Исаака и Иакова..., т. е. была подобной вере язычника Корнилия сотника, жившего вне Церкви. Тем не менее он был «пророком» согласно ап. Иуде (Иуд. 14), пророком так сказать «космической» или естественной религии, — пророком, предсказавшим Потоп (см. Иуд.). А согласно Иисусу Сыну Сирахову (64,5), Энох был примером покаяния для будущих поколений (или примером «ведения Божия», по другой версии).

«Праведный Ной» тоже ведь жил до Закона и был «язычником» — человеком, не принадлежащим к «Израилю». Однако, он почитается святым и в ветхозаветной и в новозаветной Церкви. В Библии он называется «праведным и непорочным в роде своем» (Быт. VI, 9), ходившим, как и Энох, «с Богом» (или, как перевели русские «перед Богом»), а автор послания к Евреям объясняет, что спасение Ноем от Потопа было тоже за его веру (Евр. XI, 7), и он стал наследником «праведности по вере». С точки зрения легкомысленных его современников, не думавших о потопе, евших и пивших, и женившихся (Мт. XXIV, 38), вера Ноя, строившего ненужный Ковчег, выглядела безумным предприятием, но оказалась «оправданной», по слову Евангелия. Для его неверующих современников вера Ноя и его проповедь правды (Посл. Петра II, 5)

была таким же безумием, как для современных нам эллинов-атеистов безумна вера христианская в спасительность новозаветного Ковчега-Церкви, вера в спасительность искупительной Голгофской жертвы и Креста (I Кор. I, 18-24). За праведность Ноя и его веру Бог спас его от гибели и даже заключил с ним — это особенно нужно подчеркнуть — «Завет» («берит», т. е. договор и обещание), что Потопа больше никогда не будет.

Этот Завет Бога с Ноем был особенным. Он касался не только людей, но был поставлен «со всею душою живою... с птицами и со скотом, и со всеми зверями земными, со всякой плотью... (Быт. IX, 9, 16, 17). Это был Завет космический, универсальный. С Ноя начинается новая жизнь на земле, новый порядок вещей, порядок, не связывающий грех обязательно с наказанием, но порядок милосердия и любви, при котором «дождь посылается на праведных и неправедных и солнце восходит над злыми и добрыми» (Мт. V, 45).

Представителем этого нового порядка является праведник **Иов**, страждущий невинно. Иов также не был Израильянином (а идумеем) и также не принадлежал к израильской вере, а был язычником. Тем не менее ап. Иаков восхваляет его терпение и называет блаженным (Иак. V, 13), и всеми он почитается «святым». Был Иов «человеком непорочным, справедливым, богобоязненным и удаляющимся от зла», как говорит сам автор книги (Иов. 1, 4). Он приносил Богу жертвы (интересно, какому Богу?). Он приносил жертвы за всех своих детей, рассуждая так: «Может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем», и за душу каждого сына приносил по тельцу (Иов. I, 5). Иов был добродетелен: спасал страждущих в отчаянии и беспомощных сирот, и утешал вдов (29, 12-13), был отцом для нищих и страстным заступником обиженных и обездоленных (15-16). Он был «одет в правду, как в мантию» (14). Откуда у Иова эта праведность и милостыня и благочестие? Кто, как не Дух Божий, который «дышит, идеже хочет» сделал его таким?! Не прав ли ап. Павел, писавший Римлянам, что язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, показывая этим, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. II, 15).

Весьма интересен случай с загадочным **Мельхиседеком**, царем Салимским (Иерусалимским), о котором говорится в Быт. XIV, 17. Хотя он не был ни евреем, ни иудеем (Евр. VII, 6), но называется в Библии «священником Бога всевышнего» (Быт. XIV, 18; Евр. VII), «по чину Мельхиседека» (Пс. 109,4), и Авраам приемлет от него благословение, как от старшего! Благословляя Авраама, Мельхиседек сказал: «благословен Авраам от Бога всевышнего, Владыки неба и земли. Благословен Бог всевышний, который предал врагов твоих в руки твои» (Быт. XIV, 20). (Священство Мельхисе-

дека уподобляется в посл. к Евреям священству Христа [Евр. V, 6, 10; VI, 20; VII, 1...]). (И Мельхиседек и Христос не знают отца, родословия, не имеют ни начала дней, ни конца жизни..., т. е. священники в вечности). Дело в том, что Авраам — праотец Левитского рода священников — получает благословение как меньший от Мельхиседека, который был священником не по закону заповеди плотской, «но по силе жизни непрестающей», т. е. по силе, дарованной от Духа Божия (Евр. VII, 16).

О замечательном действии Св. Духа, Духа «вездесущего и все исполняющего» мы видим еще пример в библейском повествовании о **Валааме**, жителе Пефора, что на реке Евфрате. Его позвал царь Моавитский Валак для того, чтобы проклясть Израиля. Но Валааму (язычнику) явился Бог (Числ. XXIX, 9, 12) и сказал ему, чтобы он Израиля не проклинал. Валаам послушался голоса Божия и не пошел проклинать израильтян-врагов Моавитских, сказав: «не могу ослушаться повелений Господа, Бога моего, и сделать что-либо по своему произволу» (18). Потом все же, решив отправиться к Валаку, царю Моавитскому, Валаам по пути встретил Ангела Божия (случилось то, что на языке богословов называется «теофанией» — богоявлением!). Ангел Божий (т. е. Бог) был с огненным мечом в руке. Увидев Бога, Валаам пал ниц пред Ним... (31) и выслушал все слова Его (32-33). Потом, придя в страну Моавитскую и принеся жертвы, Валаам снова был свидетелем теофании, как написано: Валаам пошел на возвышенное место и «встретился Бог с Валаамом и внушил ему не проклинать Израиля (23,8). И Валаам, будучи «в духе Божиим» (по-видимому, подобно тому, как был Серафим Саровский) (24, 2), благословил Израиля!

Нужно сказать, что «судьбами Израиля не исчерпываются пути Божии в строительстве спасения, ибо в него включены и судьбы всех других народов, пути всемирной истории» (о. С. Булгаков: «Утешитель», стр. 268). «Бог изменяет времена и лета, низлагает царей, дает мудрость мудрым и разумение разумным» (Дан. II, 21). Прор. Даниил говорит язычнику **Навуходоносору**: «Ты царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу; и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он дал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми» (Дан. II, 37), ибо... «Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Дан. IV, 22).

Мало того, язычника, царя **Кира** Персидского, Бог называет своим «помазанником» — «мессией»! (Ис. 65, 1), и говорит, что держит его за правую руку, чтобы он покорил все народы. Бог говорит, что Он пойдет перед ним, уравниет горы и сокрушит медные двери, и сломает железные запоры, что отдаст Киру хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства для того, чтобы царь познал, что Бог есть Господь, называющий его по имени, Бог

Израилев, и что нет другого Бога, кроме Него» (Ис. 45, 5), что «Им спасаются все концы земли» (22, 52, 10). Это название языческого царя Кира «помазанником Божиим», — «мессией», должно было резать ухо не только благочестивому еврею, но должно удивлять всех, считавших и считающих, что вне богооткровенной религии нет никакой правды и царит тьма крошечная, дьявольщина и бесовщина...

Не знаю, как к этому тексту священной Библии относятся некоторые наши соотечественники, утверждающие, что истинно лишь то православие, которое находится в союзе с царем-христианином, помазанником на царство. Не знаю как они толкуют книгу пр. Даниила, в которой «помазанником» объявляется враг Народа Божия и богооткровенной религии — язычник Кир?!

Вообще, трудно себе представить с точки зрения эксклюзивистической и «ультра-православной» наличие закона Божия, написанного на сердцах людей, независимо от их принадлежности к той или иной религии — как об этом говорится в послании к Римлянам. Как объяснить, что ап. Павлу является муж Македонянин (язычник) и просит апостола прийти к ним на проповедь Евангелия (Де. XVI, 9-16)? Как объяснить внушение Духа Божия Авимелеху — царю Герарскому (Быт. XX, 3, 6-7), и разговор с ним о Сарре? Как объяснить поклонение Христу вохвов-язычников, пришедших с востока? Как объяснить икону Сократа, висящую в московском Благовещенском соборе и статую Аристотеля в соборе города Шартра?! Прав ли ап. Павел, что заимствовал от стоиков термин «софрон», «софронисму», «софрозини» («целомудрие»), и употребляет его в своих пастырских посланиях? Как объяснить, что понятие «сущности» (усии), взятое из греческой языческой философии и составленный из этого слова термин «единосущный» (омоусиос) был внесен на первом Вселенском Соборе в Православный Символ веры, а западная церковь, ничтоже сумняшеся, оперирует аристотелевским, т. е. языческим понятием субстанции в обсуждении вопроса об евхаристических тайнах?

Ветхозаветники, находящиеся и в новозаветной Церкви, всегда будут недоумевать, как это царица Савская («южная») приходила из тьмы своего язычества послушать мудрости Соломоновой? (А прошли тысячелетия и египетские христиане теперь почитают ее своей святой!).

Ветхозаветники всех времен всегда будут недоумевать и возмущаться вместе с пророком Ионой **покаянию** язычников-Ниневитян и будут дивиться, как это язычники Ниневитяне осудили «род сей» (Лк. XI, 31-32), то-есть род косных людей, осуждаемых Богом за их религиозный провинциализм, как это язычники Ниневитяне, покаявшись, смогли восстать на суд с «родом сим» и осудить его!

ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ

По поводу столетия со дня рождения Льва Шестова-Шварцмана

1866—1948.

Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Лук. 10, 42.

Можно принять или отвергнуть основную тему — «монотеизму» — Льва Шестова: человек свободен выбирать и избирать руководящие ценности, идеи и образы для прохождения своего духовного пути. Но одно мы должны признать за Л. И. Шестовым: его необычайную оригинальность, в своем роде единственность, как в основном замысле его философско-миросозерцательного творчества, так и в оригинальности проведения этого замысла, и в его литературном оформлении и воплощении.

Ведь давно уже было замечено, что религия и философия находятся сплошь и рядом, в положении соперничающих инстанций, в борьбе за овладение человеческой душой. Что это вопрос для Л. И. Шестова кардинальный, от которого зависит судьба человека, его to be or not to be — быть или не быть — особенно человека, живущего мыслью, видно из вопроса, на который заранее предполагается, согласно Л. Шестову, отрицательный ответ, вопрос, поставленный в одной из самых значительных книг этого мыслителя с выразительным заглавием «Власть ключей» (Potestas clavium). «Признавал ли хоть один философ Бога?».

Здесь надо оговориться, что речь идет не о сочетании философии и веры в Бога, что встречается постоянно и чаще, чем это обыкновенно думают, но о чистой форме науки и философии, форме, выделенной из всех возможных соединений, которых множество и притом множество неопределенное...

В другом месте Л. Шестов цитирует в качестве доказательства текст Плотина, где философия признается «самым ценным». Для Л. Шестова, да и для каждого по настоящему религиозного человека самым ценным является Бог. На любви к Богу и к ближнему (оба эти вида любви не отделимы друг от друга согласно Слову Божию) основываются «Закон и Пророки», то-есть та совокупность высших духовных и ведущих ценностей, которые верующие люди исповедуют как **Слово Божие**. Вот мы в центре идей Л. Шестова, в центре его «монотеизма».

Среднее и высшее образование Л. И. Шестов получил в Киеве и в Киеве же увидели свет его первые труды, в которых сразу же сказались его высокая оригинальность мысли и блестящий литературный талант. Обе первые книги «Апофеоз беспочвенности» и «Шекспир и его критик Брандес» — отмечены печатью независимости и антипозитивизма. Это были перлы уже тогда начинавшегося русского ренессанса.

Впоследствии Л. Шестов сделал своим местопребыванием обе русские столицы — Петербург и Москву, а после революции, по вполне понятным причинам, эмигрировал и сделал своим местопребыванием Париж, где и скончался в 1948 г.

Период его полной литературной и мирозерцательной зрелости начинается с прекрасной книги «Добро в учении гр. Толстого и Ницше», вышедшей в 1900 г. Далее следуют: «Достоевский и Ницше» (1902), «Начала и концы» (1908), «Potestas clavium» — «Власть ключей» (1916), «Откровения смерти» («по французски: «Les révélations de la mort»), «Гетсиманская ночь» (о Паскале, по французски: «La nuit de Gethsemanie», 1923), «Скованный Парменид» (Париж, 1929), — вошла составной частью в «Афины и Иерусалим»; «На весах Иова» (1929), «Киркегаард» (Париж, 1938) — очень характерная «лебединая песня» отходящего от мира философа с именем великого мыслителя, сделавшегося своеобразным центральным солнцем «верующего экзистенциализма».

Л. Шестов одинаково силен как в цельных до конца разработанных произведениях, так и в собраниях фрагментов и афоризмов, а также небольших этюдов. Он напоминает Лейбница в том смысле, что каждое такое его произведение от крупных и увесистых, до небольших этюдов и опытов, всегда содержит целиком его основной замысел. В этом отношении его литературно-мыслительские преимущества громадны, и его следует причислить к величайшим создателям изящной философской прозы на русском языке.

В общем, несомненно прав С. Л. Франк, называя Л. Шестова «сильным, но узким мыслителем». Только здесь лучше всего было бы употребить выражение «моноидеистический мыслитель». Однако, необычайная способность к варьированию этой «моноидеи» не только не делает его «узким», в дурном смысле слова, и повторяющимся, но, наоборот, очень разнообразным и даже многоцветным. Моноидеизм же сообщает всему этому многообразию солидную крепость и выдержанность.

Понять Л. Шестова лучше всего, исходя из его любимцев в мире мысли, которые разбудили в нем его собственную мысль и продолжали быть на его жизненном пути «вечными спутниками» — говоря языком Д. С. Мережковского. Помимо Св. Писания обоих Заветов, он чаще всего цитирует Плотина (гораздо чаще, чем Пла-

тона), Тертуллиана, блаж. Августина, Лютера, Паскаля, Достоевского, Ницше, Киркегаарда, а одно время он очень увлекался Вячеславом Ивановым, которого хотя и величал «упадочником», но очевидно, что этого рода «упадочничество» очень много говорило его чувству изящного и любви к классической древности и к древним языкам, редчайшим знатоком которых был Вячеслав Иванов. Классиков и вообще греческих и римских писателей, равно как и писателей Западных он всегда цитирует в подлиннике, что сообщает его произведениям такую же остроту и эстетическую прелесть, как и произведения Шопенгауэра и о. Павла Флоренского. Вообще, Л. Шестов — одна из вершин русской философской культуры. И когда ему приходится «разоблачать» и «обличать» ценности этой культуры, особенно в ее упадочнических и безбожно-материалистических формах (что бывает и у великих мыслителей, писателей и общественных деятелей), — он пользуется всегда и неизменно оружием еще большей культурной силы и идеологической глубины, идеологического блеска. В этом его несравненная сила и острота — да иначе и нельзя: «побеждает тот, — говорит Вильгельм Виндельбанд, — кто пользуется вновь открытым лучшим оружием на новом поле брани». Никогда не надо забывать того, что Сократ победил софистов потому, что был сильнее их не только по знаниям, но и в трудном деле диалектической техники. С философией и с философами Л. Шестов всегда и неизменно сражается и их побеждает философским же оружием.

Среди творений Л. Шестова есть одно — «Скованный Парменид» — небольшого размера, всего 86 стр., — но в котором с необычайной силой, остротой и литературным блеском сосредоточены все любимые идеи и приемы мысли и полемики Л. Шестова. К этому присоединены еще мотивы человеческого достоинства и свободы в связи с человеческим, или лучше, с богочеловеческим всемогуществом — правда, потенциальным, но готовым в каждый данный момент и в должной ситуации верующего дерзания быть реализованным в порядке чуда... Впрочем здесь даже речь идет не столько о чуде как единичном акте, сколько о переходе верующего или верующих в иную сферу, в иной план бытия, где кончается царство необходимости, царство свободы и начинается совершенно иной план бытия. Такую изумительную в совершенно новом духе написанную пророческую и эсхатологическую вещь мог написать только тот, кто вполне выстрадал все этапы хождения души по мытарствам греховного рабства, в которое оказались погруженными человеческие души, подпавшие искушению и вкусившие от «запретного» плода древа познания добра и зла. Это одна из любимых и центральных тем Л. Шестова, в силу чего его надо причислить к разряду сильнейших амартологов, то-есть, мыслителей на тему о первородном грехе и его последствиях.

«Скованный Парменид» отличается еще и тем, что метафи-

зическая основа его вполне библейская, общий же идеологический план и амартологические вариации взяты в духе тематики и героев античного, главным образом, древнегреческого мышления. По этой причине «Скованный Парменид» надо отнести к числу гениальнейших схолий, к основным этапам древнегреческой и, вообще говоря, античной философии.

Для Л. Шестова характернейшим признаком падшего мира и падшего человека, погруженного в этот мир, и отведавшего плодов познания добра и зла, была утрата способности видеть в Боге свободно повелевающего и свободно творящего Творца и Промыслителя мира, к которому Его чада могут обращаться с такою же свободной молитвой, с помощью которой они могут творить что хотят, превращая свою жизнь и жизнь мира в дивную поэму любви и свободы, в делящийся рай, в «творимую легенду». Вместе с злосчастным вкушением в мир вошла ужасающая сила обращать все, в том числе и живых людей, в «камни». В науке и в философии это свойство именуется «естественной необходимостью», «естественной и закономерной связью вещей», заменой свободы — необходимостью, словом, тот процесс, естественным и необходимым концом и завершением которого является смерть. И живой Бог, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова — Тот Бог, Которому можно и должно молиться и Который по Своей бесконечной благодати и любви не откажет Своим чадам, этот Бог — сокровище таких людей, как Паскаль, Тертуллиан, блаж. Августин — заслужил «Богом философов и ученых», тем самым Богом, который, однажды, создал мир с естественной причинной связью вещей в нем, но потом уже ничего не создает, но лишь повинует созданным им закономерностям. Бог стал ничего не слышащей, не внимающей ни благословениям ни проклятиям «Судьбой», «Необходимостью», «Мойрой», «Атэ» и Сам сковал Себя и сковал философа Парменида, который оказался рабом этих ужасных истин, связанных естественной связью вещей. И все так пошло — от Парменида и до Гегеля и от Гегеля до наших дней — и все поверили тому, что так этому и быть, и что переменить здесь ничего нельзя. И страшный Горгона, — вышедший в мир вместе со смертью и с змиевым искушением, со своею ужасающей властью, держится убеждением и ложью, ложной верою, вытеснившей веру истинную, что так тому и быть, что «естественный порядок вещей» неотменим и, главное, ни в коем случае не должен быть отменяем, что этого даже нельзя желать, ибо это «ненаучно». А право на существование имеет только та философия, которая себя связала «естественной необходимостью» и с этой необходимостью связанными «истинами». Парменид, Аристотель, Эпиктет, Спиноза, Кант, Гегель и проч., хотя и страдают и стонут, но обязаны повиноваться Горгоне «причинной зависимости» и призывать к этому же своих учеников и слушателей. Большинство богословов должно быть

тоже отнесено к той же категории, и мир «так мудро устроен», что в нем «большие государства с такой же закономерностью поглощают малых, как в море большие рыбы поглощают малых, и что такой «порядок» (а может быть и беспорядок?) очень хорош, потому что такова «естественная связь вещей», предписанная «Богом философов и ученых».

И ссылаясь на многочисленные чудеса Ветхого и Нового заветов — во главе с чудом Воплощенного, Распятого, Погребенного и Воскресшего Бога — великий мыслитель, великий воистину, ибо за ним стоит Слово Божие, объявляет грандиозное восстание против «естественного порядка вещей», против змия, его породившего, и против рабского духа, принуждающего человека и мир к нечестивой покорности духу тьмы.

И в конце этого изумительного, воистину благовествующего творения Л. Шестова «Скованный Парменид» мы читаем такие написанные христианским духом слова:

«Жало смерти не щадит ничего: нужно овладеть им, чтобы направить его против самой Ананкэ («необходимости»)» (стр. 85).

Но это и значит исповедание на философском языке величайшей победоносной истины, выраженной в воскресном тропаре:

«Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сушим во гробех живот даровав».

**СЛОВО ПРОТ. В. ЗЕНЬКОВСКОГО НА СОБРАНИИ В ПАМЯТЬ
УМЕРШЕГО В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ В БУХЕНВАЛЬДЕ
о. ДИМИТРИЯ КЛЕПИНИНА**

**НАСТОЯТЕЛЯ ЦЕРКВИ ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ
И СВЯЩЕННИКА «ПРАВОСЛАВНОГО ДЕЛА»**

Мои воспоминания об о. Д. Клепинине

Я знал о. Димитрия с начала 1922 г., когда в Белграде, где я тогда был профессором, образовался кружок (религиозно-философский), в центре которого стояла семья Зерновых. Собственно до лета 1922 г. в кружке постоянных участников было всего 7, но оба брата Клепинина (старший Николай и младший — Димитрий) уже тогда были знакомы мне. С осени 1922 г., когда кружок разросся, в него вошел как постоянный член старший Клепинин. Я стал изредка посещать семью Клепининых и здесь узнал достаточно близко Софию Александровну Клепинину (мать), и изредка встречал отца, Андрея Николаевича (он служил где-то в провинции). Тут же узнал Димитрия, которого все звали тогда Димой. Ему было вероятно лет 16—17, но он производил впечатление мальчика, притом несколько отсталого, медленно соображающего. Впечатление он оставлял исключительно приятное — это был симпатичный, несколько застенчивый, мало говорливый, но очень добрый, кроткий и искренний мальчик. Весной 1923 г., незадолго до того, как я переехал в Прагу, скончалась София Александровна Клепинина. Все члены кружка были на похоронах ее, все проводжали тело на кладбище, был и я. В дружной, высоко интеллигентной семье Клепининых сразу что-то основное оборвалось.

Я уехал в Прагу, — и среди частых писем, которые мне писала дорогая мне Белградская молодежь, время от времени приходили и письма Димы. Очень хорошо помню его несколько неуклюжий почерк с очень большими буквами; письмо всегда бывало краткое, но странное дело — всегда бывало одним из самых содержательных. Зависело это от того, что в своем кратком письме Дима обычно писал не обычные фразы, а две-три своих мысли или переживания, — и всегда это бывало так глубоко, неожиданно, всегда

«Вестник Церковной Жизни». № 2, 15 марта 1945 года. Издатель: Русское Студенческое Христианское Движение.

так подлинно, ибо исходило из самого нутра, что эти письма выделялись очень резко и запомнились мне.

Прошло еще 2 года. В Париже возник Богословский Институт и в него, среди других, попал Дима, среднее образование которого было закончено им в Константинополе. По своему чрезвычайно общительному, веселому и доброму характеру Дима Клепинин был всеобщим любимцем. Он хорошо пел, учился средне, но и тогда в Институте обращал на себя внимание присущей ему вдумчивостью и глубиной. А еще больше — своим своеобразием; в нем все было подлинное, настоящее.

Это впечатление «малости» и «оригинальности» бывало всегда первым, а скромность, добродушие, укрывавшие личность Димы, как будто его укрепляли. Но всегда, всегда, если вспыхивал разговор с Димой, сразу становилось ясно — «малость» и скромность были просто внешней формой.

Как студент Дима отличался медленностью работы, как будто ему не давалось легко учение, но вместе с тем, его отличала серьезность его богословских интересов.

По окончании Института, перед Димой встал вопрос о священстве, которого он жаждал всей душой, но перед священством встал вопрос о женитьбе. Много потерпел искренних и напрасных терзаний Дима, прежде чем женился, — но когда он, наконец, женился, перед ним сразу открылась возможность священства. В годы между окончанием Института и священством (если не ошибаюсь, протекло 7 лет), Диме приходилось много и тяжело работать. Довольно много в этот же период времени он служил в храме Р.С.Х.Д. певчим и псаломщиком. Почти каждое лето он ездил работать в летние лагеря (девочек), где был всеобщим любимцем по легкости характера, незлобности и добродушию, по чрезвычайной услужливости и ответственности.

Наконец, Дима стал священником, в той же церкви Р.С.Х.Д. Служил он первое время очень медленно, всегда боясь быть неточным; он не терпел скопления людей в алтаре — это ему мешало сосредоточиться, убедительно просил меня (я тогда был старостой церкви), приносить просфоры один раз перед проскомидией, другой раз перед самой Херувимской. Все, что могло поколебать его внимание, он тщательно устранял. Его медлительность, его крайняя чувствительность ко внешней обстановке вытекали у него из очень глубокого корня — из потребности сосредоточиться перед Престолом. Мне запомнились его проповеди — краткие, состоящие из одной, двух мыслей, но шедшие от глубины души. И проповеди произносились им из того сакраментального подъема, в котором он пребывал. Очень скоро о нем стали говорить, как о прекрасном исповеднике. Мне пришлось всего два раза исповедываться у о.

Димитрия, но обе исповеди оставили след в памяти и сердце, — его наставления дышали духовной пронизательностью. И как в юности, так и теперь в священстве, он был скуп на слова, но вкладывал в слова то, что чувствовал. Вспомнил я и то, что всегда, когда предстояло помолиться о ком-либо больном, он перед соответственным молением выходил из алтаря и говорил два слова молящимся, прося их вместе с ним помолиться о больном.

Очень скоро он получил самостоятельный приход, настоятелем церкви Покрова Богородицы на рю Лурмель, и его пастырские дары развернулись во всей силе. Несколько его духовных детей по Введенской церкви не захотели с ним расстаться и перешли с ним в Покровскую церковь. Хотя о. Димитрий бедствовал чрезвычайно перед тем (особенно больно было видеть его убогую обстановку, когда родилась девочка), но переселение на рю Лурмель в первое время не улучшило его положения. Большая комната, предоставленная о. Димитрию, не могла, конечно, идти в сравнение с малой комнаткой, в какой он раньше жил, но кроме этого, его положение материальное было действительно тяжелым. Но это несколько не понижало пастырского рвения о. Димитрия, — наоборот, оно разрасталось в нем с необыкновенной силой, его имя стало уже многими произноситься с особым уважением к нему. Помню, как Митрополит Евлогий мне сказал однажды (это было в 1941 г.): «О. Димитрий, хоть и молодой священник, а замечательный духовник, и я от многих, многих знаю об этом».

Когда я решил принять священство, о. Димитрий отнесся к этому с чрезвычайным воодушевлением, все торопил меня скорее принять священство. Он приходил ко мне по собственной инициативе, звал к себе, постоянно говорил о священстве. И здесь его формулы и взгляды, скупно выраженные в словах, были всегда глубоки по мысли (вспоминаются его верные слова, например, «руки священника не принадлежат ему»). В священстве, я не имел возможности часто видеться с о. Дмитрием, но всегда встречи с ним были исключительно ценны и содержательны. Осенью 1942 г., по его инициативе и о. Киприана, мы с о. Виктором и ними стали устраивать наши молитвенные собрания, священников. После чтения молитв (обычно малого повечерья), мы обсуждали вопросы, которые накапливались у каждого. Позже присоединился к нам о. Лев (Липеровский), еще позже о. Михаил Соколов, был однажды о. Константин (Замбрицкий). С февраля 1943 г., когда о. Димитрий был арестован, мы собирались не раз, (эти молитвенные собрания заглохли лишь в январе 1944 г., когда состоялось последнее собрание), но отсутствие о. Димитрия их обесцвечивало. Они ему были нужны, и он им был нужен. Всегда чувствовалось, что пастырское дело не только захватывало его, не только крепло и росло, но что оно было в самом центре его духовной жизни...

Когда с арестом о. Димитрия мне пришлось некоторое время заменять его в его церкви, я с особой силой почувствовал, каким действительно замечательным, я готов сказать — необыкновенным — пастырем он был. Не только с одной любовью и благодарностью вспоминаю я о. Димитрия, но и со светлой радостью, что в нем больше чем в других священниках открывалась мне тайна Церкви.

Вечная память незабвенному о. Димитрию.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Уроки Русской Истории» — И. К. Юрьева. Париж, 1965 г. 189 стр. Издание YMCA-Press, 11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris-5e.

Нужда в кратком учебнике по русской истории, приспособленном к программам четверговых школ, чувствовалась уже давно. Она была отчасти восполнена напечатанным на ротаторе курсом Инны Константиновны Юрьевой, но тиражи очень скоро исчерпывались и многие не имели возможности получить этот учебник.

Теперь издательством YMCA-Press в Париже выпущено первое печатное издание работы И. К. Юрьевой, которое сможет вполне обеспечить нужды русских четверговых школ.

Учебник русской истории И. К. Юрьевой дает не только разделенный на уроки систематический курс русской истории от начала Руси до самого последнего времени, но снабжен вопросами к каждому уроку.

Он является поэтому не только необходимым руководством для учащихся, но дает материал для учителя при повторении пройденных параграфов.

Несмотря на свою относительную краткость, «уроки» затрагивают все важнейшие стороны русской жизни и дают последовательное изложение исторических событий.

Курс учебника рассчитан на несколько лет.

Можно пожелать новому изданию самого широкого распространения и такого-же успеха, каким пользовались предшествующие издания.

П. Ковалевский.

«Монах Антоний Савваит». «Вечное», 1965 г.

Издательство журнала «Вечное» издало в 1965 г. брошюру (60 стр.) «Монах Антоний Савваит». Эта книга духовно питательна.

О. Антоний, в миру Александр Сергеевич Кузнецов, родившийся в 1898 году, в культурной дворянской семье, и, по слабости здоровья, окончивший только 7 классов гимназии, после революции разделил участь

многих русских эмигрантов. Побывал он и в Белой армии и в Константинополе, а в 1925 году стал монахом одного из самых суровых монастырей, а именно, обители пр. Саввы в Палестине. Там и прожил он до своей смерти, т. е. до 1963 года. До своего пострига он был довольно типичным русским интеллигентом, увлекался многими учениями, вроде теософии, и отчасти по этой причине страдал нервными заболеваниями. И вдруг, вероятно за то, что душа его алкала Бога, он удостоился мгновенного обращения и бесповоротно вручил свою жизнь в Божии руки. Рассказ об этом очень интересен.

С полным смирением прошел он множество монастырских послушаний, под руководством опытных старцев греков (он хорошо изучил греческий язык), и к концу жизни сам обрел благодатную мудрость православного старца. В брошюре помещены, кроме интересной его биографии, многие его письма. Написанные в традиционном духе православной аскетики, они, тем не менее, глубоко связаны с нашей эпохой. Во-первых, автор их, что важно для нашего времени, умеет выражаться кратко, подводя итоги (делая резюме); во-вторых, он отвечает на современное стремление к активной деятельности и уделяет внимание задачам церковной жизни.

Одна из основных его мыслей заключается в том, что духовная жизнь имеет два проявления: пассивное и активное. Первое — это смиренное приятие того, что мы встречаем, будь то хорошее или тяжелое, памятуя, что бесконечно благой Господь посылает нам все только на благо. “Все пути Господни милость и истина” (псал. 24). Активное же начало духовной жизни о. Антоний видит в стремлении познать волю Божью и исполнить ее. О. Антоний никогда при этом не ограничивается общими советами, а дает много конкретных указаний. В отношении жизни Церкви он сочувствует участию в ней мирян и устройству церковных братств.

Относительно судьбы России, между прочим, он пишет: “человек, служащий Богу, более делает для спасения родины, чем всевозможные патриотические организации, занимающиеся в большинстве случаев только говорением и составлением неисполнимых проектов!”.

Есть в книге и мысли автора о воспитании детей. Вот, например, одна из существенных: “основная цель христианского воспитания состоит в том, чтобы научить ребенка самому сражаться за свою душу с окружающим злом, сделать его “спасающимся”.”

В книге, письма монаха Антония разделены на два отдела — для мирян и для монашествующих, что несколько искусственно, так как тем и другим полезно читать оба отдела.

Как все духовные книги, и эту следует не прочесть, а читать, читать по-малу, применяя читаемое к самому себе.

В книге имеется стихотворение о. Алексея (имя о. Антония до принятия схимы). Стихотворение ценное, яркое, но в первой строчке последней строфы имеется, вероятно, опечатка; в ней нарушение, без нужды, размера, хорошо выдержанного повсюду.

Прот. А. Семенов Тянь-Шанский.